

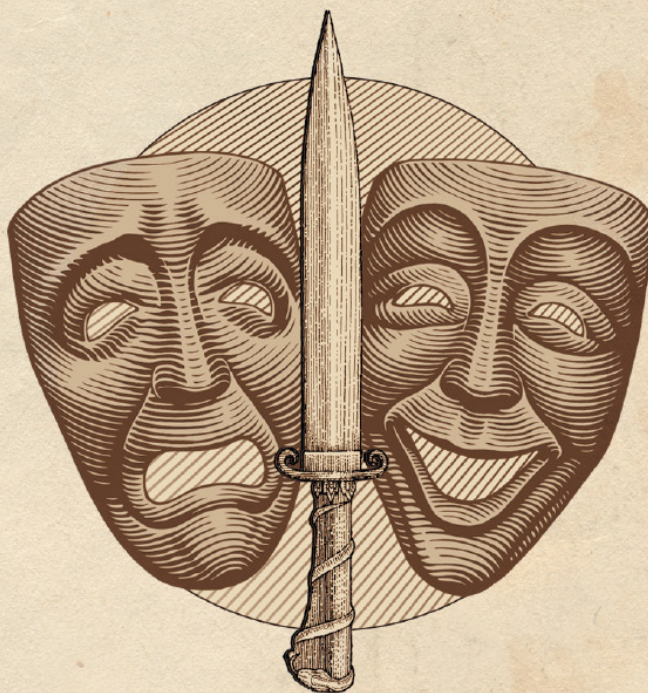
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

СМЕРТЬ В ТЕАТРЕ
«ДЕЛЬФИН»

Родерик Аллейн

Найо Марш

Смерть в театре «Дельфин»

«Издательство АСТ»

1967

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Смерть в театре «Дельфин» / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1967 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-133152-8

Когда молодой талантливый драматург и театральный режиссер Перегрин Джей получает от таинственного нефтяного магната в свое распоряжение разбомбленный лондонский театр – для набора новой труппы и постановки спектаклей, – радости его нет предела. После реставрации «Дельфин» процветает: пьеса Джея о жизни Шекспира идет с аншлагом, чему в большой степени способствует выставленная на обозрение в фойе перчатка сына великого поэта, переданная на временное хранение щедрым миллионером. Однако бесценная реликвия – слишком лакомый кусочек: раритет похищен, сторож убит, а единственный свидетель – мальчик-актер – лежит в больнице без сознания. Суперинтенданту Родерику Аллейну придется разобраться, что же произошло в театре в тот роковой вечер.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133152-8

© Марш Н., 1967
© Издательство АСТ, 1967

Содержание

Глава 1. Мистер Кондусис	6
I	6
II	10
III	12
Глава 2. Мистер Гринслейд	21
I	21
II	26
III	28
IV	30
Глава 3. Вечеринка	33
I	33
II	38
III	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Найо Марш

Смерть в театре «Дельфин»

Ngaio Marsh
DEATH AT THE DOLPHIN

© Ngaio Marsh Ltd., 1967
© Школа перевода В. Баканова, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Эдмунду Корку с благодарностью и любовью

Глава 1. Мистер Кондусис

I

– «Дельфин»? – переспросил клерк. – «Дельфин»... Ну да. Ключи у нас. Хотели поглядеть?

– Хотел, если возможно, – пробормотал Перегрин Джей, недоумевая, почему подобные беседы всегда ведутся в прошедшем времени. – То есть хотел, – продолжил он более солидно, – и все еще хочу. Да, хочу посмотреть, если позволите.

Лицо клерка исказилось то ли усмешкой, то ли тиком. Перегрин почувствовал, что его внешность не внушает должного почтения.

– Театр ведь выставлен на продажу?

– Да, он продается, все верно, – презрительно подтвердил клерк, сверившись с каким-то документом на столе.

– Могу я поглядеть?

– Сейчас?

– Если возможно.

– Ну, даже не знаю, есть ли сейчас кто свободный... – Клерк задумался, хмурясь на грязные потоки дождя, стекающие по окнам кабинета.

– Послушайте, «Дельфин» – старый театр. Я – театральный деятель. Вот моя карточка. Если пожелаете позвонить моим агентам или руководству моего нынешнего театра «Единорог», они подтвердят, что я честный, непьющий, усердный, чертовски хороший режиссер и драматург и обладаю всеми прочими атрибутами, которые могут подвигнуть вас одолжить мне ключи от театра «Дельфин» на час. Я хотел бы, – повторил Перегрин, – посмотреть театр.

Лицо клерка стало непроницаемым.

– Конечно, – пробормотал он и, искоса глядя на карточку, словно она могла сбежать, пододвинул ее к себе. Клерк погрузился в себя и, похоже, принял решение. – Ну хорошо, мистер... э-э... Обычно так не делается, но мы постараемся пойти вам навстречу.

Он повернулся к грязно-белой доске, где висели ключи – черные хвостики на потрепанной горностаевой мантии.

– «Дельфин»... – повторил клерк. – Угу, есть. Вот. – Он снял с доски связку ключей и положил ее на стол. – Возможно, будет трудно повернуть. Мы редко смазываем замки. Не так часто спрашивают. И немало времени прошло.

– Четверть века, – подтвердил Перегрин, принимая ключи.

– Точно. Я тогда был ребенком. Дорогу найдете, мистер... э-э... Джей?

– Спасибо, доберусь.

– Это вам спасибо, сэр! – отозвался клерк с неожиданным почтением, хотя и выражая всем своим видом полное неверие в то, что Перегрин станет их клиентом. – Ужасная погода. Не забудете вернуть ключи?

– Не сомневайтесь, – ответил Перегрин почему-то голосом комика Робертсона Хэа.

Уже у двери он услышал голос клерка:

– Кстати, мистер... э-э... Джей. Будьте поаккуратнее. Под ноги глядите. Особенно на сцене. Там значительные повреждения.

– Благодарю. Я буду осторожен.

– Дыру прикрыли, но уже давно. Прямо колодец, – добавил клерк, пристально изучая свой палец. – Как-то так. Будьте аккуратнее.

– Буду.

– И я... э-э... не отвечаю за то, что вы там найдете. Туда ведь бродяги забираются. То и дело. Один там умер с год назад.

– Ох...

– Вряд ли это повторится.

– Надеюсь.

– Ну, тут уж мы ничего не могли поделать, – строго сказал клерк. – И как они вошли? Наверное, окно выбили. За всем ведь не уследишь.

– Это верно, – согласился Перегрин и вышел вон.

Дождь лил стеной. Брызги от асфальта стучали в окна и двери; дождь лупил по зонтику так, что казалось, сейчас его сломает. Под гребенчатым в капельках краем зонта виднелась Темза, в оспинах и рябая. Народу на улице было немного. Мимо натужно ползли фургоны на низкой передаче. Здания вокруг стояли непонятные: были ли это склады или конторы владельцев пристаней? Синий фонарь вдали освещал вход в Управление речной полиции. Перегрин миновал дверь с аккуратной вывеской «Управление лондонского порта», потом еще одну со старинной надписью: «Компания речного флота. Неустойки за простой. Причальный сбор. Справки».

Улица резко повернула вправо и пошла параллельно реке. Перегрин поднял зонтик, и перед ним, словно за поднятым занавесом, возникло строение. Дождь внезапно прекратился, тучи разошлись. Подсвеченный солнечными лучами, между пабом «Приятель речника» и расчищенным после бомбежки участком стоял высокий, квадратный и нелепый театр «Дельфин».

Перегрин представил, как сотню лет назад, при свете дня лодочки и барочки, судовые торговцы, деловые господа, моряки дальнего плавания и приречная чернь смотрели на «Дельфин». Разглядывали хлопающие флаги, восхищались кариатидами с деликатно позолоченными локонами и сосками. Мистер Адольф Руби, тот самый Адольф Руби, стоял здесь, на Уорфингерс-лейн, заложив большие пальцы в проймы жилетки, – сигара в одну сторону, шляпа в другую – и не сводил восхищенных глаз со своего дворца незамутненного развлечения. «Ох, ох, – подумал Перегрин, – и теперь я стою здесь, только, увы, не в лакированных ботах мистера Руби. И кариатиды смотрят на меня совершенно равнодушным взглядом».

Они действительно смотрели – по две с каждой стороны портика, ниже талии благопристойно прикрывшись завитушками. На закопченных головах и руках покоился милый балкон с коваными перилами; хотя гипсовая листва отделки местами пострадала, кариатиды оставались в хорошей форме. Безудержная фантазия Перегриня счистила слой сажи и восстановила элегантную вывеску: два игривых морских млекопитающих поддерживают над портиком сияющие позолотой буквы «Театр “Дельфин”».

Минуты две Перегрин разглядывал здание с противоположной стороны улицы. Солнце теперь сияло всюду, отражаясь от речных волн, судов и мокрых крыш; от булыжной мостовой перед театром поднимался легкий пар. В шум дня вплелись крики чаек и гудки барж.

Перегрин пересек сырой переулок и вошел в портик. Его окружили старые афиши, включая извещение агента, провисевшее здесь явно очень долго – порванное и выцветшее. Там было написано: «Коммерчески ценный участок».

«В таком случае, – задумался Перегрин, – почему же он не продан? Почему ни одно дальновидное коммерческое предприятие не ухватило за ценный участок и не отправило театр “Дельфин” в тартарары?»

Были там и другие документы прошлого. «Сенсация!» – вопил один плакат, но продолжение было оторвано, и оставалось только гадать, что обещал плакат. «Проваливай...» – было начертано мелом на одной из дверей; кто-то стер остаток надписи, заменив его более-менее предсказуемыми граффити.

Подойдя ближе, Перегрин обнаружил на фронтоне – высоко, вне досягаемости – истрепанную афишу. Такие древности ценятся знатоками, а кенсингтонские театральные лавочки мастерят из них абажуры.

«СВАДЬБА НИЩЕНКИ

По многочисленным просьбам!

Мистер Адольф Руби

представляет возобновленное представ...»

Продолжения не было.

И когда же, задумался Перегрин, эти многочисленные просьбы тронули сердце мистера Руби? В восьмидесятых? Он знал, что тот дожил до последнего десятилетия века, а в лучшие годы купил, перестроил и восстановил «Дельфин», украсил кариатидами, гирляндами, морскими млекопитающими и рогами изобилия, добавив позолоты и розовой карамельности к скромной элегантности кованого железа и гладких стен. Когда он внес все эти изменения? Правда ли, что на склоне лет он продал «Дельфин»? Если да, то кому? По слухам, в начале Второй мировой здание служило складом старьевщику.

А кто хозяин теперь?

Перегрин остановился перед главным входом с замочной скважиной, к которой не составило труда подобрать нужный ключ – такой большой, что мог бы висеть на поясе тюремщика в постановках мистера Руби. Ключ легко проник в скважину, однако поворачиваться не желал. Ну вот что бы попросить у клерка масленку?.. Перегрин боролся с ключом, когда из-за спины донесся голос:

– Что, приятель, никак?

Обернувшись, Перегрин обнаружил человека в фуражке лодочника и в залоснившемся синем костюме. Голубые глаза румяного мужчины средних лет глядели с нахальным спокойствием.

– Вам надо немного старого доброго суперсредства, – произнес незнакомец с хрипотцой. Перегрин удивленно уставился на него. – Масло, говорю. Смазать.

– Да, конечно.

– А в чем вообще дело?

– Хочу осмотреться, – хмыкнул Перегрин. – К черту. Лучше через служебный вход.

– Ну-кась, позвольте.

Перегрин шагнул в сторону, и к замку встал незнакомец. Попробовал повернуть ключ, сначала деликатно, потом с усилием.

– Бесплезняк! Момент...

Он пошел прочь, пересек улицу и исчез между двумя приземистыми строениями в узком проходе, ведущем, похоже, к реке.

«Проклятье! – спохватился Перегрин. – Ключ унес!»

Два громадных грузовика с укрытыми брезентом кузовами прогрохотали по Уорфингерс-лейн мимо театра. Большие запертые двери затряслись и застучали, и на руку Перегрину посыпались куски штукатурки. «Он медленно умирает, – мелькнула страшная мысль. – “Дельфин” содрогается в агонии».

Когда проехал второй грузовик, вернулся человек в фуражке; в одной руке он держал масленку и птичье перо, в другой – ключ. Снова перейдя улицу, он вошел в портик.

– Очень вам признателен, – сказал Перегрин.

– Нет проблем, ваш-сочество. – Незнакомец смазал замок и после недолгих манипуляций повернул ключ. – Наше вам, – сказал он и повернул дверную ручку.

Язычок замка громко щелкнул.

– Нормалек, – сказал человек и шагнул в сторону. – Ну что ж, долг зовет, как сказал раб, отправляясь на галеры.

– Погодите-ка... – произнес Перегрин. – Выпейте за мое здоровье. Держите. – И положил в руку помощника три полкроны.

– Тут уж не откажусь, мистер. Шпашибо. Удачи вам.

Перегрину не терпелось открыть дверь, но незнакомец, явно любопытный малый, не отходил. А Перегрину хотелось побыть в «Дельфине» одному.

– Работаете где-то поблизости? – спросил он.

– «Дан Карбой. Фипс Броз». Лекарства и прочее. Звать меня Джоббинс. Смотритель. Был матросом на лихтере¹, но нутро слабое. Ладно, пока, сэр. Надеюсь, справитесь с этими, с привидениями которые. Ни пуха вам!

– Прощайте, и спасибо.

С протяжным стоном дверь распахнулась, и Перегрин вступил в «Дельфин».

¹ Лихтер – небольшое плоскодонное судно для погрузки и разгрузки больших судов.

II

Ставни не были закрыты, и окна, хоть и грязные, давали достаточно света, чтобы можно было разглядеть фойе – на удивление просторное. Два лестничных пролета с очаровательными коваными перилами уходили справа и слева во тьму. В глубине в сумраке терялись два прохода, несомненно ведущие к ложам и первым рядам партера. Вход в оркестровую яму должен быть где-то дальше.

Справа от Перегринна находилась очень вычурная билетная касса, установленная еще при мистере Руби. Пара важничавших гипсовых купидончиков висела вниз головами с щекастой безмятежностью; похоже, в лучшие времена мальши явно подсчитывали выручку. В тени на резном постаменте притаился бюст Шекспира. Грязные стены, обшитые панелями, отсвечивали стародавними розовым и золотым. Лестничная площадка на уровне балкона, тоже с коваными перилами, почти наполовину нависала над нижним фойе. Вглядываясь в темноту, Перегрин угадывал люстру. Запах стоял ужасный: крысы, гниль и неопикуемая вонь от бездомных, о которых говорил клерк. И все же как, наверное, был прекрасен театр в ранневикторианской изысканности даже с нелепыми добавлениями мистера Руби.

Перегрин двинулся к правой лестнице и обнаружил два указателя: «Бельэтаж» и «К бару «Париж»». На знаках художник изобразил руки с кружевными манжетами. Куда сначала – наверх или в партер? Наверх.

Проходя мимо грязных, шелушащихся панелей, Перегрин обратил внимание на разделяющий их гипсовый орнамент. Провел пальцем по чугунным перилам – и сразу отдернул руку, ощутив слой мистической пыли. А вот и верхнее фойе. Две лестницы выходили с двух сторон на площадку на уровне балконов, образующую крышу галереи-портика над нижним фойе. Три невысокие ступеньки вели с трех сторон этой площадки наверх. Всю структуру поддерживали элегантные чугунные колонны.

Здесь было темнее, и Перегрин смог добраться только до бара «Париж». Стойка пропала – видимо, красное дерево стояло того, чтобы украсть его и продать. Ковер под ногами зиял проплешинами, на окнах висели остатки штор. Стекла остались целы, судя по тому, что звуки внешнего мира доносились едва-едва; возможно, снаружи окна прикрывали щиты. Было необычайно тихо, душно, мертво.

«*Все, как мышь, притихло*»², – припомнил Перегрин. И в тот же миг услышал торопливый топот. Что-то пробежало по его ступне. Охваченный дрожью, Перегрин затопал ногами – и чуть не задохнулся от поднявшейся пыли.

Он сделал несколько шагов вперед. Из сумрака возник человек без лица и двинулся навстречу.

– Ух! – сдавленно булькнул Перегрин и замер.

Замер и черный человек.

У стены бара стояло большое зеркало.

Не так давно Перегрин бросил курить; сейчас затянулся бы сигаретой с наслаждением. Вместо этого он засвистел; в глухом месте унылый свист тонул, не оставляя эха. Перегрин прошел по фойе к ближайшей из двух дверей в зрительный зал и попал на балкон.

Он и забыл про последствия бомбардировок. Из дыры в крыше зала бил яркий солнечный луч, который упирался в сцену. В пятне мягкого солнечного света стоял сломанный трон, будто поджидающий одного из актеров мистера Руби. За тронном притаилась черная клякса – Перегрин не сразу сообразил, что это, должно быть, та самая дыра, о которой упомянул клерк.

² У. Шекспир. «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

По сравнению с ярким пятном солнечного света остальное здание выглядело черным. Зал имел классическую форму подковы и вмещал, по прикидкам Перегрин, примерно пятьсот зрителей. На плюшевых спинках кресел кое-где поблескивали стальные элементы отделки, с просцениума свисала петля бахромы – все, что осталось от занавеса.

Перегрин прошел по балкону до передней ложи, где ужасно воняло. Выйдя прочь и открыв следующую дверь, Перегрин обнаружил стальную лестницу на сцену.

Ступени, покрытые толстым слоем пыли, отзывались приглушенным звоном, словно он прижал левую педаль рояля.

На сцене, как и положено театральному человеку, Перегрин сразу почувствовал облегчение и даже радость. Он вошел в столб света – плотный от пылинок, кружащих, танцующих и вихрящихся в ответ на движения пришельца, – встал у сломанного трона и повернулся к зрительному залу. Причудливо освещенный, зал казался наполненным зрителями мистера Руби. Бобровые шапки, дамские шляпки, пальто, шали, шелест программ, ряды бледных овалов – лиц... «Просто волшебство!» – подумал Перегрин и, чтобы охватить взглядом все целиком, сделал шаг назад.

III

Упасть без предупреждения, даже с высоты одной ступеньки, неприятно. Упасть с высоты собственного роста в холодную вонючую воду – чудовищно, кошмарно, подобно маленькой смерти. В первый момент Перегрин ощутил только физическое оскорбление. Вглядываясь в луч света, в бешеную пляску пылинок, он почувствовал, что пальцы в перчатках скользят по дереву, и вцепился крепче. По горло погруженный в ледяную воду, он висел на вытянутых руках.

«Господи, – подумал Перегрин, – ну почему я не чертов Бонд? Почему я не могу подтянуться на чертовых руках? Боже, не дай мне утонуть в этой немислимой мерзости».

Хорошо хоть рукам не приходится удерживать его вес целиком. Семьдесят кило. Он плавает в том, во что упал. И во что? В сточные воды?.. Лучше не размышлять, а просто исследовать. Перегрин пошевелил ногами, и ужасные сомнительные волны поднялись до подбородка. Нащупать ногами твердь не удалось. В голове у него мелькнула мысль: «И сколько я смогу так висеть?» В памяти всплыла строка: «*Много ли пролежит человек в земле, пока не сгниет?*»³

Что делать? Бултыхаться по-лягушачьи – вдруг получится хотя бы ухватиться покрепче? Перегрин замолотил ногами в воде, попытался подтянуться. На мгновение показалось, что стало лучше, но ладони скользнули по краю, промокшие перчатки хлюпнули, и он остался висеть в том же положении. А клерк? Если держаться, пошлет ли клерк кого-нибудь выяснить, почему Перегрин не возвращает ключи? И когда? *Когда?* Зачем, ради всего святого, он прогнал человека с масленкой из «Фиппс Броз», Джоббинса? Может, покричать? Там же где-то есть разбитое окно, через которое забирались бродяги?.. Перегрин набрал в легкие воздуха и, раздувшись, чуть-чуть всплыл. И закричал:

– Эй! Э-эй! Джоббинс!

Голос звучал глупо и неестественно сдавленно. Прозвучал и затих.

Своей вспышкой активности он потревожил не только воду. Неопознанный мягкий объект тыкался в подбородок. Вонь накатывала отвратительная. «Не могу, – подумал Перегрин, – не могу так». Пальцы уже замерзли, руки затекли. В конце концов – и очень скоро – пальцы соскользнут. И что тогда? Плавать на спине в этой неопикуемой жиже и постепенно замерзнуть? Он провисел, по своим представлениям, уже неисчислимые века и понимал, что неминуемо подступает час, когда тело перестанет повиноваться. Что-то необходимо делать. Немедленно. Снова попытаться вылезти? Если бы было, от чего оттолкнуться. А вдруг ноги всего в нескольких дюймах от дна? Но что это за дно? Пол гримерной? Проход под сценой? Перегрин вытянул ступню – и ничего не нащупал. Вода дошла до губ. Он согнул колени и, вцепившись в доски, подтянулся наверх. Увидел зал. Если бы локти поставить на край... Не вышло.

Но в тот момент, когда перед глазами неясно мелькнули балкон и партер, Перегрин слышал звук – протяжный стон, и в предпоследнюю секунду... что? Мелькнул свет? Раздался чей-то кашель?

– Эй! – закричал Перегрин. – Сюда! Быстрее! Помогите!

Он снова ушел в воду и повис на кончиках пальцев.

По залу кто-то шел. Слышались приглушенные шаги по остаткам ковра.

– Сюда! Сюда! На сцену!

Шаги затихли.

– Послушайте! Ради бога, поднимитесь. Я провалился сквозь сцену. Я утону. Почему вы не отвечаете?!

³ У. Шекспир. «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

Снова шаги. Поблизости открылась дверь. Наверное, в будку суфлера, подумал Перегрин. Шаги по сцене.

– Вы кто? – спросил Перегрин. – Осторожнее. Там дыра. Не наступите мне на руки. Они в перчатках. Не наступите! Пожалуйста, помогите выбраться. И ответьте что-нибудь.

Перегрин задрал голову и уставился в луч света. Над его ладонями появились руки и вцепились ему в запястья. В тот же момент могучие плечи и голова в шляпе темным силуэтом заслонили свет. Лица было не разглядеть.

– Помогите немного, – Перегрин стучал зубами. – Только подтяните чуть-чуть, и я выберусь.

Голова исчезла. Руки изменили хватку. Наконец человек заговорил:

– Хорошо. Давайте.

Перегрин в последний раз дрыгнул ногами по-лягушачьи, его перетащили через край. Рухнув на сцену к ногам спасителя, он увидел прекрасные туфли, края отутюженных брюк и полы изящного пальто.

– Спасибо, – дрожа всем телом, пробормотал Перегрин. – Не могу выразить вам свою благодарность. Боже, как же я воняю!

Он поднялся на ноги.

Незнакомцу было лет шестьдесят. Безукоризненно одет, в котелке. Теперь удалось разглядеть его лицо – крайне бледное.

– Вы, наверное, мистер Перегрин Джей, – произнес человек ровным, строгим голосом.

– Да, я... я...

– Мне сказали в агентстве. Вам стоит принять ванну и переодеться. Моя машина снаружи.

– Как же я сяду в машину в таком состоянии? Прошу прощения, сэр, – ответил Перегрин. Зубы продолжали стучать, как кастаньеты. – Вы очень любезны, но...

– Подождите здесь. Впрочем, нет, ступайте ко входу в театр.

Повинуясь жесту, Перегрин прошел через боковую дверь со сцены в зал; незнакомец следовал сзади. В ботинках хлюпала и чавкала вонючая вода. Они миновали ложу и попали в фойе.

– Пожалуйста, подождите тут. Я быстро, – сказал спаситель.

Он вышел в портик, оставив дверь открытой. На Уорфингерс-лейн стоял «даймлер» с водителем. Пытаясь согреться, Перегрин начал подпрыгивать и размахивать руками. Вода брызнула во все стороны, над промокнутой одеждой поднялись тучи пыли.

Спаситель вернулся, шофер нес за ним меховой коврик и тяжелый макинтош.

– Я предлагаю вам раздеться, надеть вот это и завернуться в коврик. – Незнакомец расставил руки, словно собрался обнять Перегрин. Он явно разрывался между отвращением и желанием помочь. И при этом чувствовал себя виноватым. – Позвольте мне...

– Сэр, я отвратителен.

– Прошу вас...

– Нет-нет. В самом деле.

Незнакомец отошел, сцепив руки за спиной. И руки эти, как с мутным изумлением понял Перегрин, дрожали. «Боже мой! А ведь уже утро вовсю. Надо поскорее из этого выпутываться, только вот как, черт...»

– Давайте помогу, сэр, – обратился к Перегрину шофер. – Вам холодно?

– Справлюсь. Мне бы помыться...

– Именно так. Бросьте вещи тут, сэр. Я ими займусь. Ботинки лучше наденьте, да? Пальто поможет, и коврик согреет. Готовы, сэр?

– Если бы поймать такси, я избавил бы вас от этого адского беспокойства.

Его спаситель вполборота произнес через плечо:

– Умоляю вас, садитесь в машину.

Пораженный нелепой фразой, Перегрин замолчал.

Шофер подошел к автомобилю и открыл дверцу. Перегрин увидел, что на полу и заднем сиденье разложены газеты.

– Прошу, – сказал спаситель. – Я за вами.

Перегрин прошаркал через портик и прыгнул на заднее сиденье. Подкладка макинтоша липла к телу. Он обернулся ковриком и старался сжать дрожащие челюсти.

Над улицей пронесся мальчишеский голос:

– Эй, гляньте! Гляньте на этого парня!

Из переулка вышел сторож «Фиппс Броз» и уставился на машину. Двое прохожих остановились и принялись указывать на Перегрин.

Шофер запер двери театра, отнес промокшие вещи Перегрин на вытянутой руке в багажник авто и сел на шоферское сиденье. Через мгновение они уже ехали по Уорфингерс-лейн.

Спаситель не оборачивался и ничего не говорил. Перегрин чуть подождал и потом почти ровным голосом сказал:

– Я доставляю вам слишком много хлопот.

– Нет.

– Если... если бы вы были столь любезны высадить меня у театра «Единорог», я мог бы, полагаю...

Не поворачивая головы, человек произнес очень официально:

– Я действительно умоляю вас, позвольте мне... – он необъяснимо надолго замолчал и наконец громко продолжил: – ...спасти вас. А именно – доставить вас ко мне домой и оказать всю необходимую помощь. В противном случае я буду очень огорчен. Чрезвычайно огорчен.

Тут он обернулся – Перегрин никогда прежде не видел такого странного выражения лица. А ведь это, подумал он, почти отчаяние.

– Я несу ответственность, – продолжал его странный спаситель. – Если вы не позволите мне компенсировать ущерб, я буду... буду чувствовать вину...

– Несете ответственность? Но...

– Не беспокойтесь, я живу недалеко. На Друри-плейс.

«Боже! – подумал Перегрин. – Место шикарное». Ему внезапно пришло в голову, что очевидное объяснение может оказаться ложным; а вдруг его спаситель – тихий сумасшедший, а шофер – его санитар?

– Честное слово, сэ, нет необходимости... – начал Перегрин.

Впереди произошел неслышный разговор.

– Разумеется, сэ. – Шофер остановился у агентства по недвижимости и нажал на клаксон. В окне появилось сердитое лицо клерка. Через мгновение он выскочил в дверь и подбежал к автомобилю со стороны пассажирского сиденья.

– Сэр, сэ, – подобострастно забормотал клерк. – Мне безмерно жаль, что такое случилось. Крайне прискорбно. Но я уже говорил вашему шоферу, сэ, я предупреждал клиента. – Только теперь он посмотрел на Перегрин. – Я вас предупреждал.

– Да, да, – согласился он. – Предупреждали.

– Благодарю. Я предупреждал...

– Довольно. Допущена вопиющая небрежность. Доброго утра. – Голос незнакомца так изменился, от него веяло таким жутким холодом, что Перегрин замер, а клерк отшатнулся, словно ужаленный.

Автомобиль тронулся. Заработала система отопления. К тому времени как они переехали через реку, Перегрин согрелся и начал дремать. Спаситель больше не говорил ничего. Бросив взгляд в боковое зеркальце со стороны пассажирского сиденья, Перегрин заметил, что его рассматривают – и, похоже, с крайним отвращением. Нет. Почти со страхом. Перегрин быстро отвел взгляд, но краем глаза заметил, как рука в перчатке поправила зеркальце.

«Ну что же, – смущенно подумал Перегрин, – я моложе и крупнее его. Полагаю, я в силах постоять за себя. Но как же все это хитро! Забери у человека одежду, и выставишь его на посмешище. Хорош я буду, если побегу по Парк-лейн в макинтоше и меховом коврик!»

Они уже ехали по Парк-лейн и вскоре свернули к Друри-плейс. Автомобиль остановился. Шофер вышел и позвонил в дверь номера 7. Пока он возвращался к машине, дверь открылась, и появился лакей.

Спаситель Перегрин сказал довольно весело:

– Здесь совсем рядом. По ступенькам – и заходите.

Шофер открыл дверцу.

– Ну что, сэр? Готовы?

И действительно, ничего другого не оставалось. По тротуару шли трое безупречно одетых прохожих, мальчик-посыльный и затянута в корсет дама с маленькой собачкой на руках.

Перегрин выбрался наружу, но не юркнул в дом, а вошел торжественно, как на сцене. Он степенно поднялся по ступенькам, оставляя грязные следы и держа меховой коврик, как мантию. Лакей отступил в сторону.

– Благодарю, – церемонно произнес Перегрин. – Я упал, как вы можете понять, в грязную воду.

– Именно так, сэр.

– По шею.

– Крайне неудачно, сэр.

Появился хозяин.

– Моусон, прежде всего, разумеется, ванна, – сказал он, – и что-нибудь, чтобы унять дрожь.

– Безусловно, сэр.

– А потом зайдите ко мне.

– Слушаюсь, сэр.

Слуга пошел наверх. Хозяин дома теперь вел себя совершенно нормально, так что Перегрин заподозрил, что был сбит с толку отвратительным происшествием. Разговор пошел о том, как полезны английская соль в горячей ванне и кофе с ромом. Перегрин слушал, словно загнипнотизированный.

– Простите, что я так раскомандовался. Вы наверняка ужасно чувствуете себя, а я действительно виню себя.

– Но почему?

– Слушаю, Моусон.

– Джентльмен может подняться наверх, сэр.

– Верно. Верно. Хорошо.

Перегрин поднялся по лестнице, и его проводили в наполненную ароматным паром ванную.

– Я подумал, сэр, что хвойный аромат будет кстати, – сказал Моусон. – Надеюсь, температура вам подойдет. Позвольте, я заберу коврик и пальто. И ботинки. – Его голос непроизвольно дрогнул. – Вы найдете банное полотенце на поручне; горячий ром с лимоном – под рукой. Когда будете готовы, сэр, позвоните.

– Готов к чему?

– Одеваться, сэр.

Решив не спрашивать «во что?», Перегрин просто сказал:

– Спасибо.

– Вам спасибо, – ответил Моусон и удалился.

Ванна оказалась выше всяких похвал. Аромат хвои. Отличная щетка с длинной ручкой. Хвойное мыло. И горячий ром с лимоном. Дрожь унялась, Перегрин тщательно намылился с

ног до головы, растер себя так, что кожа порозовела, погрузился в воду – розовый и пьяный – и попытался трезво оценить ситуацию. И не смог. Слишком многое случилось. Придя к выводу, что чересчур расслабился, он, хоть и без восторга, принял холодный душ. Это помогло. Вытершись насухо и завернувшись в махровый халат, Перегрин позвонил. Чувствовал он себя прекрасно.

Вошел Моусон, и Перегрин сказал, что хотел бы позвонить по телефону насчет какой-нибудь одежды, хотя так и не решил, куда звонить. Джереми Джонса, с которым они делили квартиру, точно нет дома; у помощницы по хозяйству сегодня свободный день. Театр «Единорог»? Там, конечно, кто-нибудь есть, но вот кто?

Моусон проводил его в спальню, где стоял телефон. На кровати была разложена одежда.

– Полагаю, размер ваш, сэ. Хозяин надеется, что вы не откажетесь принять одежду во временное пользование, – сказал Моусон.

– Послушайте...

– Вы сделаете одолжение, если согласитесь ее надеть. Что-нибудь еще, сэ?

– Честно говоря...

– Мистер Кондусис выражает вам свое почтение, сэ, и надеется, что вы присоединитесь к нему в библиотеке.

У Перегринна отвисла челюсть.

– Благодарю вас, сэ, – четко произнес Моусон и вышел.

Кондусис? *Кондусис!* Все равно что услышать «мистер Онассис». Неужели это мистер Василий Кондусис? Чем больше думал Перегрин, тем невероятнее это казалось. Ради всего святого, что могло понадобиться мистеру Василию Кондусису в развалинах театра в Саут-Банке в половине одиннадцатого утра, когда ему положено ленно плавать на своей яхте в Эгейском море? И что сам Перегрин делает у мистера Кондусиса – в доме (вдруг осознал Перегрин) такой высоты по шкале тихого величия, какого Перегрин и не надеялся увидеть – если не на страницах книг, каких, впрочем, и не читал.

Одежда на кровати была под стать тому, что Перегрин, человек театра, про себя называл декорациями. Он рассеянно поднял веселенький галстук, лежавший рядом с плотной шелковой рубашкой. На этикетке значилось «Шарве». Где он читал про Шарве?

Перегрин присел на кровать и набрал несколько номеров – безуспешно. В театре никто не отвечал. В конце концов он оделся и понял, что, несмотря на консервативность стиля, выглядит весьма презентабельно. Даже туфли были впору.

Подготовив небольшую речь, Перегрин сошел вниз, где обнаружил поджидающего его Моусона.

– Вы сказали «мистер Кондусис»?

– Да, сэ, мистер Василий Кондусис. Прошу сюда, сэ.

Мистер Кондусис стоял в библиотеке перед камином, и Перегрин поразился, что не сумел узнать лицо, опубликованное в прессе повсюду – и как поговаривали, вопреки пожеланиям владельца. На фоне оливковой кожи глаза мистера Кондусиса оказались неожиданно бледными. А вот рот был одновременно беспощадный и ранимый. Тяжелый подбородок. Курчавые черные волосы начинали сесть на висках.

– Входите, – пригласил хозяин. – Да, входите.

Тенор, с определенным акцентом и легким пришепетыванием.

– Вы в порядке? – спросил мистер Кондусис. – Пришли в себя?

– Да, вполне. Не могу выразить свою благодарность, сэ. А что касается... насчет вещей, которые вы мне одолжили... я в самом деле...

– Размер подошел?

– Точно впору.

– Это все, что нужно.

– Не считая того, что они все-таки ваши... – Перегрин рассмеялся, чтобы не показаться напыщенным.

– Повторяю, я несу ответственность. Вы могли... – Голос мистера Кондусиса совсем затих, но губы беззвучно закончили предложение: – Утонуть.

– В самом деле, сэр! – Перегрин начал заготовленную речь. – Вы спасли мне жизнь. Я так и висел бы там, пока руки не отказали бы, а тогда... тогда... тогда я утонул бы, как вы и сказали.

Еле слышно мистер Кондусис произнес:

– Я не простил бы себе.

– С какой же стати! Из-за дыры на сцене «Дельфина»?

– Это моя собственность.

– А! – не удержался Перегрин. – Вот и замечательно!

– Что вы имеете в виду?

– То есть замечательно владеть театром. Восхитительный маленький театр.

Мистер Кондусис бесстрастно посмотрел на гостя.

– В самом деле? Восхитительный? Возможно, вы изучали театры?

– Не совсем. Ну, то есть я не эксперт. Но я зарабатываю на жизнь в театре.

– Ясно. Не откажетесь выпить со мной? – спросил мистер Кондусис. – Уверен, не откажетесь. – Он двинулся к подносу на столике.

– Ваш слуга уже подал мне очень крепкий и замечательно бодрящий горячий ром с лимоном.

– Наверняка вы можете позволить себе еще. Вот ингредиенты.

– Только совсем немного, пожалуйста, – ответил Перегрин. Он ощущал легкое гудение в жилах и постукивание в ушах, однако по-прежнему чувствовал себя прекрасно.

Мистер Кондусис поднес гостю ароматный парящий бокал, а себе налил что-то из кувшина. Что это – простая вода?

– Присядем, – предложил хозяин и бросил на Перегрин торопливый взгляд. – Вы, наверное, удивляетесь, что я оказался в театре. Речь идет о сносе здания и постройке на его месте нового. Эту идею я давно обдумываю и хотел освежить память. В агентстве моему человеку сказали, что в здании находитесь вы. – Мистер Кондусис сунул пальцы в карман жилетки, и Перегрин увидел свою собственную карточку. Она выглядела крайне убогой.

– Вы... вы собираетесь снести театр? – спросил Перегрин, поразившись фальшивой бодрости собственного голоса. Он сделал глоток рома – очень крепкого.

– И вас это не устраивает, – заметил мистер Кондусис – не вопросительным, а утвердительным тоном. – Есть у вас какие-то соображения, помимо общего интереса к подобным зданиям?

Если бы Перегрин был трезв и одет в собственную одежду, он, возможно, пробормотал бы что-то невнятное и поспешил покинуть дом мистера Кондусиса, прервав всяческие контакты с владельцем. Однако сейчас Перегрин был выдернут из привычной среды и привычной одежды. Он возбужденно заговорил. Говорил о «Дельфине», о том, как он выглядел после того, как мистер Адольф Руби славно его украсил. Описал, каким он представлял театр до падения в колодезь: чистый, сияющий светом люстр, полный, теплый, жужжащий и ожидающий. Заявил, что этот театр – последний в своем роде, с такой большой сценой, что там можно осуществлять крупные постановки.

Перегрин уже забыл и о мистере Кондусисе, и о том, что не стоит пить много рома. Он говорил увлеченно и самозабвенно.

– Только представьте себе! Сезон шекспировских комедий! Представьте «Бесплодные усилия» на этой сцене. Может, получится достать баржу – да, «Серый дельфин», – и люди будут добираться на спектакль по воде. А перед началом представления мы поднимем флаг с

ужасно умным дельфином. И все будем делать быстро и легко, элегантно и... О! – воскликнул Перегрин. – И чтобы дух захватывало, да так, как не бывает ни с одним другим драматургом.

Перегрин расхаживал по библиотеке мистера Кондусиса. Смотрел, не видя, на ручной выделки корешки коллекционных изданий, на картину, которую с изумлением вспоминал впоследствии. Размахивал руками. Возбужденно кричал.

– Ничего подобного не было в Лондоне с тех пор, как Бербедж перенес первый театр из Шордича в Саутворк. – Перегрин заметил свой бокал и залпом осушил его. – И это не пустые фантазии, учтите. Не завираки. Господи, нет! Но и не пародия. Просто хороший театр, делающий то, что ему положено. Причем делающий не по каким-то чертовым методам, системам и тенденциям – или что там еще. Учтите.

– Вы снова про Шекспира? – раздался голос мистера Кондусиса. – Я правильно понимаю?

– Ну разумеется, про него! – Перегрин вдруг вспомнил о присутствии мистера Кондусиса. – О боже! – сказал он.

– Что-то случилось?

– Боюсь, я немного перебрал, сэр. Не то чтобы перебрал, но чересчур раскрепостился. Мне ужасно жаль. Наверное, пора уходить, а все, что вы мне так любезно одолжили, я обязательно верну. Верну как можно быстрее, само собой. Так что прошу...

– Чем вы занимаетесь в театре?

– Я ставлю спектакли. И написал две пьесы.

– Ничего не знаю о театре, – пожал плечами мистер Кондусис. – Вы достаточно успешны?

– Ну, пожалуй, сэр. Думаю, да. За последние три месяца у меня столько работы, сколько я в силах сделать, и, хочется верить, мой авторитет растет. Прощайте, сэр.

Перегрин протянул руку. Мистер Кондусис, на лице которого, похоже, мелькнул ужас, отшатнулся.

– Прежде чем вы уйдете... Хотел вам показать кое-что, вдруг заинтересует. Уделите мне минутку?

– Разумеется.

– Это здесь, – тихо произнес мистер Кондусис и подошел к великолепному изящному бюро.

Перегрин последовал за хозяином и увидел, как тот выдвигает блестящий, изящно инкрустированный ящичек.

– Какое милое, – заметил Перегрин.

– Милое? – опять переспросил мистер Кондусис. – Вы про бюро? Да, его для меня специально разыскали. Я сам в этом совсем не разбираюсь. Я вовсе не его хотел показать. Вот, посмотрите. Пойдемте к столу.

Он вынул из ящика небольшую деревянную коробочку, очень старую, в пятнах и, по мнению Перегрин, ничем не примечательную. Коробочку мистер Кондусис положил на стол у окна и указал на кресло рядом. Перегрину показалось, что он исполняет роль в чужом сне. «Я вовсе не пьян, – подумал он. – Просто в некоем достойном сожаления и зависти состоянии, когда все кажется к лучшему».

Он сел у стола, и мистер Кондусис, стоявший в стороне, нажал на коробочку белым плоским пальцем. Открылось двойное дно. Необычного в этом ничего не было, и Перегрин не мог решить, ждут ли от него удивленного восклицания. Он увидел, что в открывшемся отделении лежит сверток, размером – да и формой – напоминающий половину селедки, обернутый в выцветший желто-бурый шелк и перевязанный куском блеклой ленты. Мистер Кондусис уже держал в руке нож для бумаг. «Все, что его окружает, – подумал Перегрин, – сплошь музейные экспонаты». Ножом, как сервировочной лопаткой, хозяин поднял шелковый сверток и подал его, словно блюдо, гостю.

Сверток соскользнул с лезвия, а с ним и выцветшая карточка, на которой он лежал. Перегрин чуть мутным взглядом разглядел, что это – меню; на нем стояла дата шестилетней давности. Поперек мелькнувшего перед глазами заголовка «Паровая яхта “Каллиопа”. У Вильфранша. Праздничный ужин» красовалась над десятком прочих витиеватая неразборчивая подпись.

– Извините, – сказал мистер Кондусис, быстро накрывая ладонью карточку и убирая ее прочь. – Это тут совсем ни при чем. Интересен сам сверток. Откроете?

Перегрин осторожно потянул за концы ленты и развернул шелк.

На свет явилась перчатка. Детская, цвета старого пергамента, в пятнах, похоже, от воды и сморщенная, как лицо древнего старика. Перчатку покрывала изящная вышивка – крохотные золотые и алые розы. Золотая бахрома на конических манжетах потемнела и растрепалась. Ничего столь же душераздирающего Перегрин в жизни не видел.

Под перчаткой лежали две сложенные бумаги, давно выцветшие.

– Прочитаете? – пригласил мистер Кондусис и отошел к камину.

Перегрин необычайно деликатно прикоснулся к перчатке. «Лайка, – подумал он. – Лайковая перчатка. От времени, наверное, стала хрупкой?» Нет. Кожа под кончиками пальцев была необъяснимо мягкая, словно только что выделанная. Перегрин вытащил из-под перчатки бумаги – порванные на сгибах, грязные и блеклые. Очень аккуратно развернув ту, что побольше – она легла перед ним порванная, – и напрягшись, Перегрин прочел:

«Эту маленькую перчатку и прилагаемое письмо моя прапрабабушка получила от лучшей подруги, миссис – или мисс – Дж. Харт. Моя милая бабушка уверяла, что это принадлежало Барду. NB. Смотри отметку внутри манжеты.

М. Е. 23 апреля 1830 года».

«Прилагаемое письмо» было всего лишь клочком бумаги. Надпись сильно поблекла; Перегрин даже сначала принял корявые извилистые буквы за иероглифы и решил, что ничего не удастся прочесть. Потом начал узнавать буквы, которые постепенно складывались в слова.

Воцарилась тишина. Огонь в камине утих. Кто-то прошел по комнате над библиотекой. Перегрин слышал биение собственного сердца. Он прочитал:

«Сделаны моим отцом для моего сына на XI день рождения и ношены только раз».

Перегрин застыл, глядя на маленькую перчатку и документы. Мистер Кондусис оставил нож для бумаг на столе. Перегрин вставил кончик ножа из слоновой кости в раструб перчатки, очень медленно поднял и повернул. Внутри стояла пометка, теми же корявыми буквами. «X. Ш.».

– Но откуда... – Перегрин не узнал собственный голос. – Откуда она у вас? Чья она?

– Моя, – ответил мистер Кондусис издалека. – Разумеется.

– Но... где вы ее нашли?

Долгая пауза.

– В море.

– В море?

– Во время круиза шесть лет назад. Купил.

Перегрин посмотрел на хозяина. Как бледен мистер Кондусис и как странно ведет себя! – Ящик – своего рода дорожный письменный прибор – передавался по наследству. Бывший владелец узнал о существовании двойного дна только... – Мистер Кондусис замолк.

– Только? – повторил Перегрин.

– Только незадолго до смерти.

– Специалистам показывали? – спросил Перегрин.

– Нет. Конечно, стоило проконсультироваться в музее или у «Сотбис».

Мистер Кондусис говорил так спокойно и безмятежно, что Перегрин заподозрил: хозяин каким-то непостижимым образом не понимает значимости вещи. Как бы уточнить... но тут мистер Кондусис продолжил:

– Я не проводил полной проверки, однако понимаю, что возраст мальчика в момент смерти совпадает со свидетельствами и что его дед был перчаточником.

– Да.

– И что инициалы внутри перчатки совпадают с инициалами мальчика.

– Да. Хемнет Шекспир.

– Именно, – сказал мистер Кондусис.

Глава 2. Мистер Гринслейд

I

– Знаю, – сказал Перегрин. – И не нужно повторять, Джер. Я знаю, что вокруг имени Барда всегда существовала нездоровая шумиха, а к четырехсотлетию юбилею она выросла еще. Я знаю о кутерьме вокруг старых портретов с выпуклым лбом, о поддельных автографах, «украденных и обретенных списках», фальшивых «открытиях» – обо всем. Я знаю, что, вероятнее всего, эта перчатка – всего лишь подделка. Я только прошу тебя понять, что, увидев все это перед собой, я просто с катушек съехал.

– И не только от перчатки, как я понимаю. Чуть не утонул, напился, щеголял в шмотках миллионера и еще опасался, что хозяин к тебе подкатывает.

– Да точно нет!

– Ты сам говорил, что он вел себя по меньшей мере странно.

– Чертовски странно, но я уверен, что не по-гейски.

– Ну, тебе виднее. – Джереми Джонс склонился над рабочим столом и сделал аккуратный разрез в куске тонкого картона – готовил модель декорации к клубной постановке «Спасенной Венеции». Потом отложил бритву и посмотрел на Перегрин. – Можешь нарисовать ее?

– Попробую.

Перегрин помнил перчатку совершенно отчетливо и нарисовал приличный эскиз.

– На вид похоже, – кивнул Джереми. – Конец шестнадцатого века. Крой соответствует. Петелька. Вышивка. Сужается к запястью. А кожа?

– О, мягкая, словно сама нежность. Желтая, сморщенная – и очень-очень старая.

– Допустим, перчатка елизаветинской эпохи или яковианской, но письмо может оказаться подделкой.

– Зачем? Никто не пытался на нем заработать.

– Тебе это не известно. Ничего вообще не известно. У какого приятеля Кондусис купил это все?

– Он не сказал.

– Кто такая «М. Е.», чья дражайшая бабушка настаивала, что перчатка принадлежала Барду?

– Ну что ты меня спрашиваешь? Сам ведь помнишь, что прапрабабушке она досталась от миссис Дж. Харт. И что Джоан Харт...

– Урожденная Шекспир, которой брат завещал носильную одежду. Да. Эдакие подтверждающие подробности, которые добавляет любой мошенник. Разумеется, все это нужно отдать экспертам.

– Повторяю, я так и сказал ему. Сказал, что стоит обратиться в музей Виктории и Альберта. А он снова посмотрел на меня странным взглядом – хитрым, испуганным, пустым, не знаю, как описать, – и я заткнулся.

– Само по себе подозрительно! – Джереми улыбнулся другу и сказал: – *Жаль, не видал я!*

– Ну, в таком случае... *Вас бы дрожь взяла.*

– *Все может быть*⁴. Что мы знаем про Кондусиса?

– Ну, точно я не припомню, – ответил Перегрин. – Неслыханный богач, это понятно. Однажды в воскресном приложении про него была статья. О том, как он терпеть не может

⁴ Диалог из трагедии У. Шекспира «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

публичности, бежит ее, как Грета Гарбо, и заставляет мистера Гульбенкяна с завистью смотреть ему вслед. И как он отказывается от увеселений, и что он, возможно, и есть сказочный анонимный филантроп. Мама, говорят, русская, отец – англо-румын.

– А откуда все его деньги?

– Не помню. Нефть, как всегда? Называлась статья «Мистический Мидас», и там была его фотография – как злится и пытается сбежать от камер на ступеньках своего банка. Я читал в приемной у стоматолога.

– Не женат?

– Думаю, нет.

– Как вы расстались?

– Он просто вышел из комнаты. А лакей сказал, что подана машина, которая доставит меня домой. Отдал мне мою ужасную вонючую записную книжку и сообщил, что одежду отправили в чистку, а там признали не подлежащей восстановлению. Я спросил насчет мистера Кондусиса, и слуга ответил, что мистеру Кондусису звонят из Нью-Йорка и он «вполне поймет». Я уловил намек и убрался. Наверное, нужно послать письмо с благодарностью, да?

– Пожалуй. И еще он владелец «Дельфина» и намерен театр снести, а на его месте построить, наверное, новое чудище в Саут-Банке?

– Он «обдумывает» эту идею.

– Пусть этой идеей и подавится.

– Джер, – сказал Перегрин, – ты должен поехать и посмотреть. С ума сойдешь. Кованое железо. Херувимчики. Кариатиды. Замечательное попури начала и середины Викторианской эпохи, собранное ангелом. Боже, боже, только подумать, что можно там сделать!

– И этот жуткий старый Крез...

– Знаю. Знаю.

Они уставились друг на друга с единодушным возмущением и отчаянием молодых людей, охваченных общим, не находящим выхода энтузиазмом.

Оба учились в одной театральной школе, и оба решили, что по темпераменту, интересам и способностям склонны скорее к постановке, нежели к игре на сцене. Джереми в результате выбрал дизайн, а Перегрин – режиссуру. Они работали вместе и порознь в репертуарных театрах; потом перебрались в более престижные провинциальные театры и дальше – на удачу – в Лондон. Оба теперь были достаточно известны в качестве «подающих надежды»; обоим порой приходилось терпеть нервотрепку периодов безработицы. У Перегриня только что состоялась успешная режиссерская премьера в «Единороге», а собственная пьеса шла в пробных прогонах за пределами Лондона. Джереми продумывал оформление для театра масок, которое собирался отправить на международный конкурс театральных художников. Недавно он стал партнером в маленьком магазинчике на Уолтон-стрит – там продавалось «старье высшей категории, кошельки, корсеты и чудные гульфики яковинской эпохи».

Почти весь заработок Джереми и Перегриня ушел на аренду и обстановку квартиры-студии; перед носом неприятно маячил финансовый кризис. Джереми совсем недавно распрощался с непредсказуемой блондинкой; их разрыв принес облегчение Перегрину, которому приходилось терпеть неожиданные набеги блондинки на их квартиру.

Сам Перегрин без происшествий завершил роман с актрисой, очень кстати почувствовавшей ту же скуку, в какой он, со своей стороны, не решался признаться. Они расстались почти без переживаний с обеих сторон, и в настоящее время сердце Перегриня было свободно.

Темноволосый высокий Перегрин напоминал озорника; среднего роста, румянолицый и довольно язвительный Джереми за чопорными манерами прятал влюбчивость. Обоим было по двадцать семь лет.

Квартира находилась на верхнем этаже дома, перестроенного из пакгауза на берегу Темзы к востоку от Блэкфрайарс. Именно из окна студии примерно неделю назад Перегрин,

разглядывая Саут-Банк в полевой бинокль, заметил здание «Дельфина», узнал, что это такое, и нацелился на него.

Он подошел к окну.

– До сих пор перед глазами... В этом театре я провел самые страшные полчаса жизни. Я должен ненавидеть один его вид, но, боже мой, я хочу его, как ничего в жизни не хотел. Знаешь, если Кондусис действительно решит снести его, я, право слово, вряд ли смогу стоять здесь и смотреть в окно.

– Тогда нужно подкараулить его, рухнуть перед ним на колени и зарыдать: «О, сэ, просим вас, сэ, пощадите “Дельфин”, умоляем вас, сэ».

– Я точно могу сказать, как онотреагирует. Отшатнется, как будто мы воняем, и безучастно заявит, что понятия не имеет, о чем я говорю.

– Интересно, во сколько это обойдется.

– Восстановить его? Сотни тысяч, вне всяких сомнений, – мрачно сказал Перегрин. – Интересно, есть ли столько у «Национального театра». Или вообще у кого-нибудь. Должно же быть общество, которое охраняет памятники старины?

– «Понятия не имею, о чем ты говоришь», – передразнил Джереми.

С некоторой долей сожаления, в котором не признался бы и под пыткой, Перегрин начал упаковывать вещи мистера Кондусиса. Костюм из темного твида пошил, несомненно, непревзойденный портной. Перегрин постирал и погладил носки, белье и рубашку, которые носил минут сорок, и взял коробку из запасов Джереми, чтобы сложить все в нее.

– Отправлю посыльного, чтобы доставил.

– С какой стати?

– Не знаю. Самому идти чертовски стыдно.

– Ты только передашь посылку раззолоченному лакею.

– Буду чувствовать себя ослом.

– Псих, – буркнул Джереми.

– Не хочу возвращаться туда. Там все чудное. Великолепное, конечно, но какое-то злое. Как в романе про исполнение желаний.

– Зачарованный молодой драматург и добрый затворник.

– Вряд ли Кондусис добрый, хотя перчатка меня, честно признаюсь, очаровала. Знаешь что?

– Что?

– Она подала мне идею.

– Даже так? Идею чего?

– Пьесы. Не хочу пока обсуждать.

– Конечно, раньше времени обсуждать ни к чему, – согласился Джереми. – *Но это путь к отказу*⁵.

В наступившем молчании они услышали металлический хлопок почтового ящика внизу.

– Почта, – сказал Джереми.

– Для нас ничего.

– Счета.

– Я их не читаю. Боюсь, – сказал Перегрин.

– А вдруг письмо от Кондусиса – с предложением усыновить тебя.

– Ха-ха-ха.

– Иди посмотри, – сказал Джереми. – Не терплю, когда ты начинаешь кудяхтать. Пробежка по лестнице пойдет тебе на пользу.

⁵ Намек на реплику «*Но это путь к безумью*». У. Шекспир. «Король Лир». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Перегрин дважды обошел комнату, медленно спустился по дряхлой лестнице и открыл почтовый ящик. Там лежали три счета (два, заметил Перегрин, для него), рекламный проспект и напечатанное на машинке письмо.

«Перегрину Джею, эсквайру. Лично в руки».

По какой-то причине – он сам не понимал по какой – Перегрин не открыл письмо, а вышел из дверей и направился по тихой улочке к месту, где в просвет между домами можно было увидеть Саутворк за рекой. Впоследствии он припоминал, как зашевелилась его сукамуза (собственное любимое выражение). Перегрин уставился невидящим взором на склад, который частично закрывал вид на «Дельфин»: возможно, «Фиппс Броз», где работал человек с масленкой – Джоббинс. Где-то на реке раздались гудки. Интересно, подумал лениво Перегрин, все речные суда разом запустили сирены? Пальцы правой руки играли с конвертом в кармане.

Со странным чувством, что совершает нечто судьбоносное, он вдруг достал письмо и вскрыл его.

Пять минут спустя Джереми услышал, как грохнула входная дверь, и по лестнице промчался Перегрин. Он появился на пороге бледный и, похоже, потерявший дар речи.

– Я тебя умоляю, теперь-то что? – спросил Джереми. – Кондусис пытался тебя похитить?

Перегрин всунул ему листок бумаги.

– Давай. Читай, черт побери!

«Уважаемый сэръ, – прочитал Джереми. – Я получил указание от мистера В. М. Г. Кондусиса поставить Вас в известность, что он рассмотрел вопрос о театре «Дельфин» на Уорфингерс-лейн, который он обсуждал с Вами сегодня утром. Мистер Кондусис заинтересован изучить данный вопрос во всех подробностях. Он предлагает Вам с этой целью обратиться в офис «Консолидейтед ойлз, лимитед» и побеседовать с мистером С. Гринслейдом, который обладает всей информацией по данному вопросу. Для Вашего удобства прилагаю карточку с адресом и сопроводительное письмо.

Я взял на себя смелость назначить Вашу встречу с мистером Гринслейдом на 11.30 завтра (среда). Если время Вам не подходит, будьте любезны сообщить об этом по телефону секретарю мистера Гринслеяда до 17.30 сегодня.

Мистер Кондусис просит меня передать, чтобы Вы не беспокоились о возврате вещей, которые он имел удовольствие предложить Вам после ужасного происшествия, ибо за него он считает себя полностью ответственным. Он понимает, что Ваша собственная одежда безнадежно пострадала, и надеется, что Вы позволите ему этот скромный жест в качестве компенсации. Одежда, кстати сказать, совсем не ношенная. Если Вы пожелаете, он надеется, что Вы позволите ему компенсировать Ваши потери иным способом.

Мистер Кондусис не будет принимать личного непосредственного участия в мероприятиях, связанных с «Дельфином», и не желает впредь упоминания своего имени в связи с этим делом. Полномочиями вести любые переговоры от его имени на всех уровнях обладает мистер Гринслейд.

С уважением,
искренне Ваш,

М. Смитмен (личный секретарь мистера Кондусиса)».

– Невероятно, – пробормотал Джереми, глядя поверх очков.

– Вероятно. Очевидно.

Джереми еще раз перечитал письмо.

– Ну что ж, по крайней мере, он не хочет, чтобы ты к нему лез. Тут мы были к нему несправедливы.

– Он меня и видеть не желает, слава богу.

– Ты был страстно красноречив, мой бедный Перегрин?

– Да, я надрался.

– Мне вспоминается, – ни с того ни с сего произнес Джереми, – что он потерпел кораблекрушение на море.

– Кто?

– Кондусис, балбес. Кто же еще? На яхте.

– А его яхта называлась «Каллиопа»?

– Вроде бы да. Я уверен, что она потонула.

– Возможно, мое затруднительное положение напомнило ему о том неприятном происшествии.

– Знаешь, – сказал Джереми, – представить не могу, с чего мы так переполошились. В конце концов, ну что произошло? Ты осматриваешь допотопный театр. Падаешь в грязный колодец, из которого тебя вытаскивает владелец – мультимиллионер. Ты в своей манере увлеченно расписываешь грацию и совершенство театра. Он задумывается: прежде чем сносить, может, попробовать другой вариант? И отправляет тебя к своему клевету. С чего тут распалиться?

– Интересно, понравится ли мне Смитмен, когда мы встретимся, и не почувствую ли я к Гринслейду неприязнь с первого взгляда. Или, конечно, он ко мне.

– Да какая разница? Ты придаешь слишком большое значение личным отношениям. Посмотри, как нелепо ты обращаешься со своими женщинами. Подозреваешь несчастного мистера Кондусиса в непристойных намерениях – а он на тебя и глядеть больше не хочет!

– Предлагаешь мне принять эту роскошную одежду? – недоверчиво спросил Перегрин.

– Разумеется! Грубо и неблагородно, да просто вульгарно отправлять обратно одежду с наглой запиской. Старичок хочет подарить тебе новую с иголки одежду, потому что ты сгубил свою в его грязном колодце. Ты просто обязан ее принять!

– Если бы ты его видел, то не называл бы старичком. Неприятнее людей я не встречал.

– Ну и пусть, а тебе лучше привести себя в порядок, чтобы предстать перед Гринслейдом ровно в 11.30.

Перегрин помолчал.

– Пойду, конечно. Ты заметил: ничего о письме и перчатке?

– Ни слова.

– Я заставлю Гринслейда отправить их в музей Виктории и Альберта.

– Попробуй.

– Заставлю. Ну да, Джер, ты прав: к чему раздувать сыр-бор? Если по какому-то дикому капризу судьбы я смогу сделать хоть что-то, чтобы спасти жизнь театру «Дельфин», я буду считать себя щедро вознагражденным. Но все это, конечно, будет лишь маленькой странной интерлюдией; а тем временем перед нами новая пачка счетов.

– По крайней мере, – сказал Джереми, – какое-то время тебе не придет счет от портного.

II

Мистер С. Гринслейд оказался лысым, хорошо одетым и ничем не примечательным человеком. В строгом шикарном кабинете ему удавалось придерживаться консервативного и впечатляющего стиля. Он сидел за столом, положив руку на папку, за спиной висела изысканная картина, а перед ним стоял напряженный Перегрин.

– Мистер Джей, вы, конечно, понимаете, что причиной нашей встречи стал ваш вчерашний разговор с мистером Кондусисом.

– Полагаю, да.

– Именно. У меня здесь изложено... скажем так, предложение, которое вы сделали мистеру Кондусису – насколько он его запомнил. Вот. – Мистер Гринслейд надел очки и начал читать документ: – «Мистер Джей предложил, чтобы театр “Дельфин” был восстановлен до прежнего состояния и чтобы была набрана труппа для постановки Шекспира и других пьес, имеющих высокую культурную ценность. Мистер Джей предположил, что здание “Дельфина” обладает высокой культурной ценностью и представляет значительный интерес с исторической точки зрения».

Мистер Гринслейд посмотрел на Перегрину.

– Именно таково было ваше предположение?

– Да. Да. Таково. Хотя я терпеть не могу слово «культура».

– Мистер Джей, не знаю, насколько вы осведомлены об интересах мистера Кондусиса...

– Я... нет... я только знаю, что он... он...

– Крайне богат и своего рода затворник? – подсказал мистер Гринслейд с легкой заученной улыбкой.

– Да.

– Именно. – Мистер Гринслейд снял очки и аккуратно положил их на стопку писчей бумаги.

Перегрин подумал, что мистер Гринслейд готовит откровенное признание о своем патроне. Но тот просто повторил:

– Именно. – И после солидного молчания спросил Перегрину, не соблаговолит ли тот рассказать немного о себе. Об обучении, например, о дальнейшей карьере. Говорил мистер Гринслейд совершенно невозмутимо.

Перегрин поведал, что родился и учился в Новой Зеландии, затем приехал в Англию по стипендии – учиться театральному мастерству, тут и остался.

– Я, разумеется, осведомлен о ваших успехах на театральном поприще, – сказал мистер Гринслейд, и Перегрин догадался, что было проведено своего рода конфиденциальное расследование. – Мистер Джей, – продолжил он, – я уполномочен сделать вам предложение. Возможно, вы сочтете его скоропалительным. Мистер Кондусис готов обсудить восстановление театра, разумеется, после одобрения со стороны архитектора и строителей и после получения необходимых разрешений. Он готов финансировать данное мероприятие. Если... – Мистер Гринслейд сделал паузу.

– Если? – повторил Перегрин треснувшим, как у подростка, голосом.

– Если вы лично примете на себя руководство «Дельфином». Мистер Кондусис предлагает вам на условиях, которые будут оговорены, осуществлять руководство театром, формировать художественную политику, набирать труппу и режиссировать постановки. Вы получите полную свободу действий – конечно, в рамках финансовых ограничений, которые будут указаны в контракте. С удовольствием выслушаю вашу реакцию на это пока еще предварительное предложение.

Перегрин подавил порыв разразиться безумным смехом и, глядя в умное бесстрастное лицо мистера Гринслеяда, сказал:

– Было бы глупо делать вид, что я могу испытывать хоть что-то кроме изумления и восторга.

– В самом деле? – обрадовался мистер Гринслейд. – Хорошо. В таком случае я продолжу предварительные исследования. Я, кстати, являюсь поверенным в некоторых делах мистера Кондусиса. Что касается подписания контрактов, полагаю, мне нужно переговорить с вашими агентами?

– Да. Это...

– Благодарю, – сказал мистер Гринслейд. – Господа Слейд и Опингер, насколько мне известно?

– Да... – Перегрин попытался вспомнить, в какой момент пьяного восторженного выступления он назвал эти фамилии мистеру Кондусису; похоже, вообще не называл.

– И еще один вопрос. – Мистер Гринслейд открыл ящик стола и – точно таким же жестом, что его патрон вчерашним утром – достал маленький викторианский письменный прибор. – Насколько я понимаю, вы уже ознакомились с его содержимым и высказали некоторые сомнения по поводу аутентичности предметов.

– Я сказал, что их хорошо бы показать экспертам.

– Именно. Мистер Кондусис понял вас, мистер Джей, и хочет знать, не будете ли вы любезны оказать ему услугу и в этом вопросе.

Перегрин, немного ошалевший, спросил:

– Перчатка и документы застрахованы?

– Они включены в генеральный полис, но отдельной страховки нет, поскольку неизвестна их стоимость.

– Полагаю, моя ответственность...

– Понимаю ваши колебания и могу сказать, что указывал на это мистеру Кондусису. Все равно он настоял, чтобы я просил вас принять эту миссию.

Наступило короткое молчание.

– Сэр, – промолвил наконец Перегрин, – зачем мистер Кондусис делает все это? Зачем дает мне возможность взять на себя фантастически ответственную работу? Что может им двигать? Надеюсь, – продолжил Перегрин со свойственной ему прямоотой, – я не такой осел, чтобы полагать, что по виду хоть в малейшей степени обладаю качествами, соответствующими тем предложениям, которые вы мне сделали, и я... я...

Перегрин почувствовал, что краснеет и не знает, как продолжать. Мистер Гринслейд смотрел на него, похоже, с новым интересом. Он двумя руками поднял очки и, изящно держа их над бумагами, обратился, похоже, к ним:

– Разумный вопрос.

– Ну, полагаю.

– И ответить на него я не в состоянии.

– А?

– Да, – кивнул мистер Гринслейд. – Буду с вами откровенен, мистер Джей. Я сам теряюсь в догадках, почему мистер Кондусис делает то, что он делает. Впрочем, если я правильно понял ваши опасения, могу заверить вас, что они неуместны. Кондусис не по этому делу, – добавил он весело и грубовато и положил очки на место.

– Очень рад слышать.

– Вы примете поручение?

– Да, приму.

– Великолечно.

III

Эксперт сложил руки и откинулся на спинку кресла.

– Ну что ж, есть все основания сделать вывод, что перчатка пошита в конце шестнадцатого – начале семнадцатого века. Какое-то время – не слишком долго – она подвергалась воздействию соленой воды. Можно предположить, что она была защищена. Письменный прибор сильно протравлен. По поводу букв «Х» и «Ш» внутри манжеты я не вправе высказать авторитетного мнения, хотя, конечно, соображения есть. А что касается этих двух, несомненно, поразительных документов, их можно исследовать с помощью разнообразных методов – инфракрасные лучи, спектрография и так далее, – но это, знаете ли, не моя область. И любая подделка, безусловно, обнаружится.

– Не подскажете, как мне получить полное обследование?

– Это нетрудно организовать. Хотя потребуется письменное разрешение от владельца, полная страховка и так далее. Вы ведь пока ничего не рассказали мне об их истории...

– Не рассказал, – подтвердил Перегрин. – Но расскажу. С одним условием, если позволите: владелец, точнее поверенный, дал мне разрешение назвать вам имя, только если согласитесь держать его в тайне, пока не придете к окончательному выводу по поводу этих предметов. У него... почти патологическая боязнь публичности, и вы, думаю, поймете, когда узнаете, кто он.

Эксперт пристально посмотрел на Перегрин.

– Хорошо. Я готов хранить конфиденциальность относительно имени вашего патрона.

– Это мистер Василий Кондусис.

– Боже милостивый!

– Именно, – сказал Перегрин в стиле Гринслейда. – А теперь я открою вам всю известную предысторию. Итак...

И он рассказал все в подробностях.

Эксперт зачарованно слушал.

– Очень необычно, – покачал он головой, когда Перегрин договорил.

– Уверяю вас, я ничего не выдумывал.

– Нет-нет, я верю. Конечно, я слышал о Кондусисе. Да и кто не слышал? Вы представляете, какая будет сенсация, если все это подлинное?

– Я ни о чем больше думать не могу. Здесь лежат детская перчатка и письмо, которое заставляет предположить, что летним утром в 1596 году искусный ремесленник из Стратфорда сшил пару перчаток и подарил внуку, который носил их всего день, а потом...

– *Горе заступило место сына?*⁶

– Да. По прошествии времени – через двадцать лет – отец написал завещание. И оставил носильную одежду своей сестре Джоан Харт, для ее сведения написав вот эту записку. То есть это его рука водила пером по этому листку бумаги. А потом прошли еще два века, и некая М. Е. убирает перчатку и записку в викторианский письменный прибор с сообщением, что ее прапрабабушка получила их от Дж. Харт и это вещи Барда. Это действительно могла бы быть Джоан Харт. Умерла она в 1664-м.

– Я бы особо не рассчитывал, – сухо сказал эксперт.

– Согласен.

– А мистер Кондусис говорил что-нибудь об их стоимости? Если существует хоть малейшая возможность, что они подлинные, невозможно представить, сколько они могут стоить.

Перегрин и эксперт уставились друг на друга.

⁶ Намек на реплику «*Мне горе заступило место сына*». У. Шекспир. «Король Иоанн». Перевод Е. Бируковой.

– По-моему, – произнес Перегрин, – мистер Кондусис размышлял об этом, но должен заметить, что он ко всему относился спокойно.

– Ну, у нас-то так не получится, – сказал эксперт. – Подготовлю вам расписку – и попрошу задержаться, посмотрите, как вещи уберут.

Он на мгновение склонился над маленькой сморщенной перчаткой.

– Если бы она была настоящей! – пробормотал он.

– Понимаю, понимаю. Страшно представить, что тогда начнется.

– Люди убивали и за меньшее, – беззаботно сказал эксперт.

IV

Пять недель спустя Перегрин, бледный, с мешками под глазами, дописал последние реплики своей пьесы, а ниже добавил: «Занавес». Вечером он прочитал пьесу Джереми, и тот ее одобрил.

От мистера Гринслейда вестей не было. Корпус «Дельфина» по-прежнему виднелся в окне. Джереми обратился в агентство недвижимости за разрешением осмотреть здание, но ему ответили, что театр больше не в их распоряжении и, похоже, снят с продажи.

В предварительном отчете музея о перчатке и документах было сказано, что первые исследования не выявили наличия поддельных чернил или бумаги, так что пока нет никаких опровержений возраста документов. Эксперт-графолог сейчас в Америке и подключится после возвращения. Если его отчет будет благоприятным, понял Перегрин, соберется совещание специалистов.

– Что ж, – повел плечами Джереми, – очевидно, они не высмеяли идею с ходу.

– Очевидно.

– Отправишь отчет этому своему Гринслейду?

– Да, конечно.

Джереми положил веснушчатую руку на рукопись Перегрин.

– А что, если открыть «Дельфин» ровно через год «Перчаткой» – новой пьесой Перегрин Джея?

– Ну да!

– Давай набросаем примерный состав.

– Я уже.

– Покажи.

Перегрин достал потрепанный листок бумаги, исписанный неровным почерком.

– Послушай, – сказал он, – я знаю, что начнут говорить. Что все это уже было. Например, Клеменс Дейн. И больше того: я стану объектом травли и обвинений в фальшивом «шекспирстве». Взять хоть действующие лица. Энн Хэтэуэй и все-все-все. Боюсь, меня ждет провал. Все рухнет, еще не начавшись.

– Я, например, не нашел белиберды в диалогах.

– Да, но выводить на сцену Шекспира... Какая наглость!

– Он и сам так делал. Так что можешь прочитать: «Ой-ой! Выводить на сцену Генриха VIII!» Давай: кого бы ты взял на роль Шекспира?

– Ну, это же очевидно, разве нет?

– Елизаветинский сердитый юноша. Одинокий. Удачливый. Хитрый. Яркий, как солнце. Пегас в стойле Хэтэуэй. Суперсексуальный и чтобы прямо с графтонского портрета. Который я считаю настоящим.

– И я. И? Кто так выглядит и играет?

– Боже! – сказал Джереми, читая список исполнителей.

– Да, – поддакнул Перегрин. – Как я и говорил. Все очевидно.

– Маркус Найт, господа.

– Разумеется. Точно с графтонского портрета, и сколько огня! Вспомни его Хотспура. И Генриха V. И Меркуцио. И, конечно же, его Гамлета. А помнишь Пера Гюнта?

– Сколько ему лет?

– Сколько бы ни было, он их умело скрывает. И может выглядеть как подросток.

– Он будет стоять целое состояние.

– В любом случае это только прикидки.

– Случалось ему хоть раз участвовать в постановке и не затеять целую череду скандалов?

- Никогда.
- И он способен довести до нервного срыва любую труппу?
- Да, это Марко.
- А помнишь, как он прервал реплику, чтобы велеть зрителю, опоздавшему с антракта, сесть или проваливать к чертям?
- Помню, как сейчас.
- А как целая труппа единогласно отказалась от ролей?
- Я был режиссером на этом провале.
- Говорят, что сейчас он еще взрывоопаснее – из-за того, что не получил рыцарства на последней церемонии.
- Буквально рвет и мечет.
- Ну что ж, – сказал Джереми, – пьеса твоя. Как я вижу, ты решил объединить Юного друга, Соблазненного светловолосого друга и господина У. Г. в одном персонаже.
- Именно так.
- Да как ты посмел!
- За века рождались идеи и побезумнее.
- Согласен. И получилась чертовски хорошая роль. Каким ты его представляешь?
- Очень светлый. Очень мужественный. Очень дерзкий.
- У. Хартли Гроув?
- Возможно. По типу подходит.
- А его не считают плохим гражданином?
- Заноза в заднице.
- А кто Смуглая леди – Розалин? Я смотрю, тут у тебя Дестини Мид.
- Хотелось бы. Дестини совершенно бесчувственная, однако производит сильнейшее впечатление невероятной глубины и неистощимой сексуальности. Она может показывать, что потребуется, если только ей разъяснить очень простыми словами и медленно. И, кстати, она живет с Марко.
- Может, это будет кстати, может, нет... А Анна Х.?
- Любая крепкая несимпатичная актриса с хорошей подачей, – сказал Перегрин.
- Вроде Герти Брейси?
- Да.
- Джоан Харт – тоже лакомая роль. Я тебе скажу, кто станет хорошей Джоан: Эмили Данн. Знаешь? Она помогала в нашем магазинчике. И понравилась тебе в телешоу. И в Стратфорде очень неплохо делала вторые роли: всяких Селий, Нерисс и Гермий.
- Запишу. «Что заклеит тебя пятном позора»⁷.
- С остальными, похоже, трудностей не возникнет, но дрожь пробирает, как подумаешь про ребенка.
- Он умирает до конца первого действия.
- И очень кстати. Как представлю какое-нибудь юное дарование, которое пыжится изо всех сил...
- И звать его, конечно, Гэри.
- Или Тревор.
- Неважно.
- Декорации для своего спектакля доверишь мне?
- Не прибедайся.
- Будет весело, – с улыбкой сказал Джереми. – Согласись: будет весело.

⁷ У. Шекспир. «Ричард II». Перевод А. Курошевой.

– А-а, ничего не будет. У меня чутье, и я знаю. Не будет ни перчатки, ни театра, ни пьесы. Все – наваждение.

Стукнул почтовый ящик.

– Ну вот. Судьба стучит в дверь, – сказал Джереми.

– Даже и думать неохота, – ответил Перегрин. – Впрочем, просто из любезности принесу письма.

Он спустился, забрал почту – для него ничего не было. Обрато он поднимался по лестнице не спеша.

– Я прав. Ничего хорошего. Конец. *И как от этих бестелесных масок, от них не сохраняется и следа*⁸. В почте – только мусор, и только для тебя. Ой, прости!

Джереми говорил по телефону.

– Да, он как раз вошел. Одну секундочку.

Джереми прикрыл трубку ладонью и сказал:

– Мистер Гринслейд приглашает тебя к себе. Вот и началось, лапочка.

⁸ У. Шекспир. «Буря». Перевод М. Донского.

Глава 3. Вечеринка

I

«Год назад, февральским утром, – думал Перегрин, – я стоял на этом самом месте. Вышло солнце и золотило башню израненного “Дельфина”. Я думал об Адольфе Руби и мечтал обладать его одержимостью. И вот я снова здесь, господь мне судья, выскочка-золушка в лакированных туфельках мистера Руби».

Он смотрел на отреставрированных кариатид, на играющих китообразных, украшенных позолоченной надписью, на безупречно белый фасад, на элегантное кованое железо и восхищался. «Что бы ни случилось дальше, все это – лучшие дни моей жизни. Что бы ни случилось дальше, я буду вспоминать этот день и говорить: “Да, в то самое утро я понял, что такое блаженство”».

И тут к нему из проулка вышел тот самый человек из «Фиппс Броз».

– Утречко, начальник.

– Доброе утро, Джоббинс.

– Шикарно смотрится, ага?

– Мило.

– Ага. По-новому. Не так, как когда вы нырнули.

– Это уж точно.

– Да. Вам ведь нужен будет ночной сторож, а? Раз уж все, похоже, почти готово? Ночной, дневной... все равно.

– Думаю, понадобится. А что? Есть на примете кто-то подходящий?

– Себя не хвалят.

– Вы готовы взяться?

– Чего врать, начальник, есть такая мысль. У нас, в проулке, слишком сыро – для моего нутра. Хроническое чего-то. У меня хорошие отзывы, начальник. Многие поручатся. Как вам? Глухо или прокатит?

– А что, – сказал Перегрин. – Думаю, прокатит.

– Тогда будете меня держать на примете?

– Обязательно.

– Господь вас благослови, начальник, – сказал Джоббинс и направился обратно в проулок.

Перегрин перешел дорогу, вошел в портик театра и посмотрел на объявление:

«Скоро! Новое открытие театра “Дельфин”, под новым руководством».

Объявление висело сразу под изодранной викторианской афишей, которую Перегрин видел во время памятного первого визита.

«СВАДЬБА НИЩЕНКИ

По многочисленным просьбам!

Мистер Адольф Руби...»

Когда маляры чистили и заново покрывали краской фасад, Перегрин поручил им работать вокруг этого сомнительного фрагмента и не трогать его.

– Он будет здесь, – сказал Перегрин Джереми, – пока здесь буду я.

Фойе ожило. Его покрасили, позолотили, отполировали и отлакировали. Рабочие были повсюду: на лесах, длинных лестницах, козлах. Громадная люстра ждала своего часа сверкающей грудой на полу. Два толстых херувимчика, отмытых и украшенных, сияли вверх ногами над воскресшей кассой.

Перегрин поздоровался с рабочими и пошел вверх по изящно изогнутой лестнице.

В баре снова стояло зеркало с гравировкой, но на сей раз Перегрин шагал навстречу себе по блестящему красному дереву, обрамленному латунью. Преобладали цвета меда и патоки.

– Незамысловато и практично, – пробормотал Перегрин.

Наверху обновления были завершены; скоро уложат ковер. Джереми и молодой декоратор сошлись в конце концов на классическом малиновом, белом и позолоте; Перегрин пересек фойе и вошел в дверь с надписью «Администрация».

Театром «Дельфин» управляла фирма «Театр “Дельфин” инкорпорейтед» – филиал «Консолидейтед ойлз». Фирму основал, коротко говоря, мистер Гринслейд для продвижения проекта «Дельфин». В кабинете за новым столом сидел мистер Уинтер Моррис, крайне успешный театральный коммерческий директор. Мистер Гринслейд принял его на службу по предложению Перегрин после нескольких собеседований и тщательного (Перегрин нисколько в этом не сомневался) наведения справок. Во время всех приготовлений сам мистер Кондусис оставался закулисным духом: вовсе не злобным и таким могучим, что даже малейшую деталь возрождения «Дельфина» пронизывала шикарная уверенность. Мистер Моррис теперь держал в руках всю систему рекламы, презентации и управления, заключая контракты с актерами, декораторами, костюмерами, персоналом зрительного зала, рабочими сцены, пресс-агентами, и деликатно управлял всеми элементами, необходимыми для создания общей ауры предприятия. Бледный и неутомимый, с курчавой шевелюрой, в свободное время он собирал старинные безделушки.

– Доброе утро, Уинти.

– Перри... – каким-то извиняющимся тоном произнес мистер Моррис вместо приветствия.

– Все путем?

Моррис неопределенно покачал головой.

– Пока не забыл: нам в театре нужен смотритель, сторож – ночной или дневной, – привратник или еще какой подручный?

– Через пару дней понадобится.

Перегрин рассказал про мистера Джоббинса.

– Ладно, – сказал мистер Моррис. – Если рекомендации хорошие. Теперь спрошу я: у нас полная группа?

– Не совсем.

– Что думаешь о Гарри Гроуве?

– Как об актере?

– Да.

– Как об актере я много чего думаю.

– Вот и хорошо. Ты его получишь.

– Уинти, ты вообще о чем?

– Поступила директива, малыш, или что-то вроде того. Из главного офиса.

– Насчет У. Хартли Гроува?

– Смотри в своей почте.

Перегрин пошел к своему столу. Он уже узнавал письма от мистера Гринслейда и быстро схватил верхнее в стопке.

«Уважаемый Перегрин Джей!

Ваши приготовления, похоже, движутся вперед согласно плану. Мы все рады видеть, как оригинальный проект обретает плоть и развивается, и удовлетворены решением открыть театр Вашей пьесой, особенно принимая во внимание Ваш нынешний успех в «Единороге». В этом неофициальном письме хотелось бы привлечь Ваше внимание к мистеру У. Хартли Гроуву, актеру,

как Вам, несомненно, известно, знаменитому и опытному. Мистер Кондусис лично будет очень рад, если Вы примете положительное решение в отношении мистера Гроува, формируя труппу.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш,
Стенли Гринслейд».

Перегрин читал, и его охватывало дурное предчувствие – странно острое по сравнению с ничтожным поводом. Ни в одной профессии личные рекомендации и панибратские отношения не работают чаще, чем в театре. Для актера подкатить к человеку, набирающему труппу, через знакомого режиссера или администратора – обычный маневр. Пару секунд Перегрин смутенно пытался понять – не охватила ли его зависть, не пустила ли власть, необъяснимо попавшая в его руки, отвратительный росток развращения. Нет, решил он, поразмыслив, и повернулся к Моррису, который смотрел на него с легкой улыбкой.

– Мне это не нравится, – сказал Перегрин.

– Вижу, малыш. А можно узнать почему?

– Разумеется. Мне не нравится репутация У. Хартли Гроува. Я изо всех сил стараюсь оградиться от театральных сплетен и стараюсь не верить тому, что говорят о Гарри Гроуве.

– А что говорят?

– Ну, вообще, о его сомнительном поведении. Я как-то ставил спектакль с его участием, да и раньше встречал. Он преподавал сценическую речь в моей театральной школе и однажды пропал после выходных. Скандал вышел неописуемый. Многие женщины, думаю, находят его привлекательным. Не могу сказать, – добавил Перегрин, взъерошив волосы, – чтобы он творил что-нибудь неподобающее в последних постановках, и чисто по-человечески нахожу его забавным. Однако кроме двух женщин в труппе, его никто не любит. Они не признаются, но достаточно взглянуть, как они на него смотрят и как он смотрит на них.

– У меня практически приказ, – сказал Моррис, дотронувшись до письма на своем столе. – Полагаю, что у тебя тоже.

– Да, черт возьми.

– До сих пор руки у тебя были фантастически развязаны, Перри. Конечно, не мое дело, малыш, но, честно говоря, я такого прежде не видел. Руководитель, режиссер, автор – все ты. Потрясающе.

– Надеюсь, – сказал Перегрин, в упор глядя на администратора, – я заслужил репутацию и как режиссер, и как драматург. Другого вероятного объяснения нет, Уинти.

– Конечно, конечно, старик, – поспешно согласился тот.

– А что касается У. Хартли Гроува, полагаю, мне не отвертеться. На самом деле он вполне пойдет на господина У. Г. Его роль. И все же мне это не нравится. Господи, я и без того уже подставился по самое некуда с Маркусом Найтом в главной роли и готов терпеть три нестерпимых темперамента на каждой репетиции. Чем я заслужил бонус в виде Гарри Гроува?

– Кстати, великая звезда настроен на неприятности. Он звонит мне дважды в день – скандалить по поводу своего контракта.

– И кто побеждает?

– Я. Пока.

– Молодец.

– Меня уже тошнит от этого, – скривился Моррис. – Да вот он, контракт, лежит у меня на столе. – Он пролистал страницы отпечатанного документа. – Чуть не пришлось еще лист добавлять. Вот взгляни.

Громадная и совершенно неразборчивая подпись в самом деле занимала огромное пространство. Перегрин бросил беглый взгляд, а потом присмотрелся.

– Я ее видел раньше. Напоминает циклон.

– Увидишь – не забудешь.

– Я ее видел, – повторил Перегрин. – Причем недавно. Вспомнить бы где.

– В тетрадке для автографов? – ехидно спросил Уинтер Моррис.

– Где-то в неожиданном месте... Ладно, неважно. Веселуха начнется с первой репетиции.

Он, конечно, захочет, чтобы я переписал его роль, добавив лакомые кусочки. Строго говоря, драматург не должен ставить собственную пьесу. Он слишком трепетно к ней относится. Но так случалось прежде, и видит бог, я буду делать это еще. Хоть с Марко, хоть без него. Он – вылитый Шекспир с портрета Графтона. У него ангельский голос и колоссальный престиж. Он блестящий актер и готов к этой роли. Будем долго разбираться, кто кого, но если он меня – видит небо, мне конец.

– Это верно, – сказал Моррис. – Сто лет живи, малыш. Сто лет живи.

Они разошлись по своим столам. Зазвонил телефон Перегрин, и нанятая администрацией девушка, спрятанная в отдельной нише, произнесла:

– Вас, мистер Джей. «Виктория и Альберт».

Перегрин удержался от шутки: «Для Ее Величества и принца-консорта я всегда свободен». Его одолевали предчувствия.

– Хорошо. Давайте.

Его соединили с экспертом.

– Мистер Джей, вам сейчас удобно разговаривать?

– Вполне.

– Я подумал, что нужно позвонить. Разумеется, мы пришлем полный официальный отчет для передачи вашему заказчику, но я почувствовал... в самом деле... – Перегрин с волнением отметил, что голос эксперта дрожит. – В самом деле, это нечто замечательное. Я... в общем, рассматриваемое письмо было тщательно исследовано. Три специалиста сравнили его с известными автографами и нашли достаточное количество совпадений, чтобы прийти к четкому мнению об авторстве письма. Экспертов полностью удовлетворяет возраст лайки и материалов для письма, а также отсутствие следов вмешательства, не считая пятен от соленой воды. По сути, уважаемый мистер Джей, как бы невероятно это ни звучало, перчатка и документ, видимо, являются тем, чем должны.

Перегрин промолвил:

– Я всегда чувствовал, что это случится... А теперь поверить не могу.

– Возникает вопрос: что с ними делать?

– Вы их придержите у себя на время?

– Да, с удовольствием, – сказал эксперт, и до Перегрин донесся из трубки легкий смех. – Однако! Думаю, мое руководство после консультации обратится к... э-э... владельцу. Разумеется, при вашем посредничестве, а также посредничестве мистера Гринслейда.

– Да. И... никакой огласки?

– Боже милостивый! – Эксперт даже взвизгнул. – Надеюсь, что нет. Только представить! – Эксперт помолчал. – А вам известно, не подумывает ли он о продаже?

– Знаю не больше вашего.

– Ясно. Ладно, вы получите от нас все отчеты на следующей неделе. Если честно... я звоню вам потому, что я, как, видимо, и вы сами, фанатик.

– Я написал пьесу об этой перчатке, – не удержался Перегрин. – Мы дадим ее на открытии театра.

– Серьезно? Пьесу... – Голос эксперта затих.

– Я не шучу! – закричал в трубку Перегрин. – Это своего рода подношение. Пьеса! Да, пьеса.

– О, простите! Конечно. Конечно.

– Ну, спасибо, что сообщили.

– Что вы, что вы.

– До свидания.

– Что? А, да. Конечно. До свидания.

Перегрин положил трубку и увидел, что Уинтер Моррис не сводит с него взгляда.

– Наверное, тебе надо это знать, Уинти... – промолвил Перегрин. – Но учти, никакой огласки. Дело касается важной персоны, так что все серьезно.

– Хорошо. Как скажешь: ни словечка.

– Совершенно секретно?

– Совершенно секретно. Слово чести.

И Перегрин все рассказал. Дослушав, Моррис провел белыми пальцами по черным кудрям и простонал:

– Только послушай, послушай! Какой материал! Какая тема! Пьеса о ней. Слушай: она называется «Перчатка». И перчатка у нас. Величайшая шекспировская реликвия всех времен. Перчатка «Дельфина». Предложения из Америки. Письма в газеты: «Оставьте перчатку “Дельфина” в Англии Шекспира». «Новое сказочное предложение по перчатке “Дельфина”!» Ах, Перри, херувимчик Перри. Какая лакомая реклама, – а мы будем хранить секрет!

– Лучше не продолжай.

– Как же мне не продолжать? Важную персону нужно направлять. Он должен быть на виду. Слушай: он финансовый гений, он поймет. Он с ходу узнает выгоду. Слушай: если правильно раскрутить и подать эту историю в психологически точный момент... понимаешь, с оглаской; с правильной классической оглаской... слушай...

– Притормози, – попросил Перегрин.

– Ох!

– Вот что я думаю, Уинти. Он заберет все железной рукой и снова запрет в свое бюро Луи какого-то-там. И больше никто из нас не увидит лайковую перчатку Хемнета Шекспира.

Однако Перегрин ошибался.

II

– *Все равно*, – читал Маркус Найт прекрасно поставленным голосом, – *спрячьте ее куда-нибудь. Я больше не взгляну на нее. Спрячьте.*

Он опустил свой экземпляр пьесы Перегрин; остальные шесть актеров труппы поступили так же. Раздались легкие шлепки стопок бумаги по столу.

– Спасибо, – сказал Перегрин. – Блестящая читка.

Он оглядел сидящих у стола. Дестини Мид громадными черными глазами смотрела на Перегрин с неколебимым обожанием запутавшейся сексуальной средневековой святой. Впрочем, Перегрин знал, что это не значит равным счетом ничего. Поймав его взгляд, Дестини приложила пальцы к губам и медленным движением протянула в его сторону.

– Милый Перри, – пробормотала она знаменитым голосом с хрипотцой, – ну что тут скажешь? Это просто чересчур. Чересчур. – Дестини беспомощным трогательным жестом призвала на подмогу присутствующих. Они ответили уместным невнятным шумом.

– Мой дорогой Перегрин, – произнес Маркус Найт (ни у кого такого голоса нет, подумал Перегрин). – Мне понравилось. Я вижу море возможностей. Увидел сразу, как прочитал пьесу. Разумеется, поэтому я и согласился на роль. И своего мнения не изменю, обещаю. Жду не дождусь, когда начну творить роль. – Принц крови не выразился бы более милостиво.

– Я очень рад, Марко, – сказал Перегрин.

Тревор Вер, назначенный на роль одиннадцатилетнего мальчика, развязно подмигнул через стол в сторону мисс Эмили Данн, которая его игнорировала. Она не искала взгляда Перегрин и словно не замечала коллег. Перегрин подумал, что она по-настоящему тронута.

У. Хартли Гроув элегантно откинулся на спинку кресла и постукивал пальцами по своему экземпляру пьесы. Перегрин рассеянно отметил, что костяшки пальцев у него, как у боксера времен Регентства. Брови подняты, на устах легкая улыбка. Гроув был миловидным блондином; широко посаженные голубые глаза никогда не теряли выражения неопределенной дерзости.

– По-моему, изумительно, – сказал он. – И мне нравится мой господин У. Г.

Гертруда Брейси, приглаживая волосы и расправив плечи, сказала:

– Я ведь не ошибаюсь, Перри? Энн Хэтэуэй нельзя играть с осуждением. То есть точно не как сучку?

Перегрин подумал: «Тут будут неприятности; я чую неприятности». Вслух он осторожно ответил:

– С ней, конечно, обошлись несправедливо.

– Вот интересно, что Джоан Харт сделала с перчатками? – спросил Чарльз Рэндом.

Перегрин вздрогнул.

– Так ведь на самом деле не было никаких перчаток, – сказала Дестини Мид. – Правда, милый? Или были? Это исторически достоверно?

– Нет-нет, дорогая, – поспешил с ответом Рэндом. – Я говорил изнутри пьесы. Просто выдал желаемое за действительное. Извини.

Маркус Найт бросил на Рэндома красноречивый взгляд: мол, негоже актерам второго плана высказывать замечания за круглым столом. Рэндом, очень бледный молодой человек, покраснел. Он играл доктора Холла в первом акте.

– Ясно, – кивнула Дестини. – Значит, на деле не было никаких перчаток? В Стратфорде или где-то еще?

Перегрин посмотрел на нее и залюбовался. Дестини была мила и незамысловата, как овца. Черты ее лица вырезал, должно быть, ангел. Глаза – бездна красоты. Губы, изогнутые в улыбке, могли бы свести мужчину с ума. И хотя Дестини обладала значительной долей здравого

смысла, профессиональной выучки и инстинктивной техники, ее мозг мог удерживать только одну мысль в каждый момент, да и то по-детски простую. На любой сцене – пусть даже в самом невыгодном месте, без ярких софитов и без единой реплики – она приковывала к себе взгляды. И даже сейчас, прекрасно зная о ее глупости, Маркус Найт, У. Хартли Гроув и, к неудовольствию Перегрин, Джереми Джонс – все глядели на нее с привычным торжественным пониманием, а Гертруда Брейси взирали в бессильной ярости.

Настал момент для Перегрин выступить с традиционной вдохновляющей речью, которой труппа придает особое значение. Впрочем, теперь от него требовалось больше, чем обычная накачка типа «Нам всем понравится, так давайте впряжемся». Сейчас он чувствовал огромное значение собственных слов и, положив сложенные ладони на пьесу, заговорил:

– Это большое событие для меня. – Он замер на секунду и, отбросив тщательно заготовленную речь, продолжил: – Большое событие для меня, поскольку означает возрождение очаровательного театра; я жаждал этого, мечтал об этом, хоть и не верил, что дождусь. И еще: получив работу, которую я получил – по формированию политики и постановке спектаклей, – и в качестве финальной невероятной конфетки – предложение поставить на открытие собственную пьесу, – надеюсь, вы поверите, что я исполнился не только громадной гордостью, но и крайним удивлением, а еще чувством, необычным и, пожалуй, неприемлемым для режиссера-драматурга, – робостью.

Наверное, правильно было бы делать вид, что я принимаю все как само собой разумеющееся, как должное. Но я, возможно, в последний раз скажу, что понимаю, как невероятно мне везет. Я не первый драматург, замахнувшийся на человека из Уорикшира, и, несомненно, не последний. В своей пьесе я... ну, надеюсь, вы поняли, чего я хотел. Хотел показать своего рода пожар, пылающий внутри этого уникального гения. Его единственным утешением, если позволите так выразиться, была любовь к сыну Хемнету. Именно смерть сына привела к ужасному краху личности художника, и миг, когда Розалин (а я всегда считал, что Смуглая леди и есть Розалин) натягивает на руку перчатку Хемнета, становится кульминацией всего действия. Его иссушает отвращение к себе. Я попробовал представить, что для такого человека единственное возможное спасение – в его работе. Он хотел бы стать Антониом для Розалин-Клеопатры, но сдаться безоговорочно мешает его гений. И – заодно – практичность буржуа из Стратфорда.

Перегрин задумался. Удалось ли ему объяснить свой замысел?

– Не буду развивать. Надеюсь, мы разберемся, о чем все это, работая вместе. – Он вдруг почувствовал ответную волну тепла, необычную в театральной среде. – И еще очень сильно надеюсь, что вы все согласитесь: замечательно открывать театр таким образом. Говорят, дельфин – разумное и общительное создание. Давайте будем добрыми и дружными «дельфинами». Удачи вам всем.

Актеры отозвались пожеланиями в его адрес, ощутив подъем, радость и собственную значимость.

– А теперь, – сказал Перегрин, – давайте взглянем на декорации Джереми Джонса – и настанет время выпить за успех нашего предприятия.

III

Вслед за читкой состоялся маленький банкет, организованный администрацией со скромным блеском. Все проходило в верхнем фойе. Бармен в белоснежно-белой рубашке, с золотой цепочкой в кармане расписного жилета встречал гостей в полной боевой готовности. Его помощник закатал рукава до плеч, как Боб в «Нашем общем друге» Диккенса. Официанты были одеты в викторианском стиле. На стойке красного дерева выстроились бутылки шампанского в ведерках со льдом; повсюду красовались цветы – исключительно алые розы с листьями папоротника.

В роли хозяина выступал мистер Гринслейд. Помимо актеров труппы, Джереми, Уинтера Морриса, пресс-агентов и постановщика с ассистентом, присутствовали шесть чрезвычайно важных персон из мира театральных финансов, пресса и некто, о ком мистер Моррис, широко раскрыв глаза, сказал: «В социальном смысле выше некуда». Из реплики мистера Гринслейда Перегрин заключил, что за присутствием важных персон прячется фигура мистера Кондусиса, который, естественно, не приехал. Из разговоров наиболее благородных гостей можно было понять, что мистер Кондусис широко известен как добрый гений «Дельфина».

– Очередной заскок для В. М. К., – сказал самый важный некто. – Мы в изумлении. – (Интересно, кого он называл «мы»?) – С другой стороны, у него, как и у любого из нас, должны быть свои игрушки.

Перегрин задумался, доведется ли ему когда-нибудь услышать нечто, столь же невинно оскорбительное.

– Для нас это вопрос жизни и смерти, – сказал он.

Важный гость посмотрел на него с удивлением.

– Неужели? Ну, может быть. Понимаю. Надеюсь, все идет хорошо. Тем не менее меня поражает выверт фантазии В. М. К.

– Я его толком не знаю, – промолвил Перегрин.

– А кто из нас знает? Он стал легендой при жизни, и самое замечательное в том, что легенда совершенно правдива. – Довольный собственной шуткой, гость негромко рассмеялся и прошествовал прочь, оставив аромат сигары, шампанского и самого лучшего крема для мужчин.

«Вот стань я таким же сказочно богатым, – подумал Перегрин, – превращусь ли в одного из них? А можно этого избежать?»

Он оказался рядом с Эмили Данн, которая помогала в магазине Джереми и должна была играть Джоан Харт в «Перчатке». Роль девушка получила после прослушивания и после того, как Перегрин посмотрел ее Гермию из «Сна в летнюю ночь». У Эмили было бледное лицо с темными глазами и приветливая улыбка. Перегрин считал, что она выглядит очень разумной; ему нравился ее глубокий голос.

– У тебя есть шампанское? – спросил Перегрин. – Хочешь чего-нибудь попить?

– Да и нет, спасибо, – сказала Эмили. – Замечательная пьеса. Я не верю своему счастью, что попала в нее. И восхищаюсь «Дельфином».

– Ты читала Джоан совершенно точно. Остается пожалеть, что она сестра Уильяма: ведь только она могла бы подойти ему в качестве жены.

– Думаю, до того, как оба обзавелись семьями, наверняка она впускала его через боковое окошко на Хенли-стрит, когда он возвращался после бурной ночи под утро.

– Конечно, ты совершенно права. Любишь коктейльные вечеринки?

– Не очень, но надеюсь, что полюблю.

– А я уже оставил надежду.

– Знаешь, когда я год назад играла в театре «Сирена», часто смотрела через реку на «Дельфин»; однажды перешла по мосту Блэкфрайарс и, стоя на Уорфингерс-лейн, просто глазела на театр. А потом один знакомый старый рабочий сцены рассказал мне, что его отец открывал там занавес во времена Адольфа Руби. Я даже купила книгу на дешевой распродаже: «Котурны и подмости». Напечатана в 1860-м и посвящена тогдашнему театру и актерам. Отвратительно написано, но иллюстрации хороши, и «Дельфин» – одна из лучших.

– Дай посмотреть, пожалуйста.

– Обязательно.

– У меня тоже какая-то связь с «Дельфином». Жаль, что мы не встретились на Уорфингерс-лейн, – сказал Перегрин. – Тебе нравятся модели Джереми? Пойдем поглядим.

Модели были расставлены по фойе и со вкусом освещены. Перегрин и Эмили изучали декорации довольно долго, пока Перегрин вдруг не сообразил, что ему положено общаться с гостями. Эмили, похоже, посетила та же мысль.

– По-моему, Маркус Найт ищет твоего взгляда. И вид у него какой-то зловещий.

– Боже! Такой он и есть. Спасибо.

Двигаясь среди гостей в направлении Найта, Перегрин думал: «Какая приятная девушка!»

Найт встретил его с видом милостивым, однако слегка раздраженным. Он стоял в центре группы: Уинтер Моррис; миссис Гринслейд, выступающая в роли хозяйки, в очаровательном наряде и бесконечно уравновешенная; Дестини Мид и один из важных гостей, который стоял с видом ее владельца.

– Ах, Перри, малыш! – воскликнул Маркус Найт, воздев бокал. – Я все думаю: удастся ли с тобой словцом перекинуться. Умоляю простить, – радостно обратился он к группе. – Если я сейчас же не вцеплюсь в него когтями, он от меня улизнет.

Найт поцеловал руку миссис Гринслейд, похоже, этим озадаченную. «Мы ее забавляем», – горько подумал Перегрин.

– Перри, – сказал Найт, взяв Перегрин за локоток, – мы можем обстоятельно-обстоятельно поговорить о твоей замечательной пьесе? Я серьезно, малыш. О твоей *замечательной* пьесе.

– Спасибо, Марко.

– Не здесь, конечно, – повел Найт свободной рукой, – не сейчас. Скоро. А пока – одно соображение.

«Ох, – подумал Перегрин. – Понеслось».

– Одно соображение. Просто вскользь. Не кажется ли тебе – говорю это без всякой задней мысли, – не кажется ли тебе, что во втором действии, дорогой Перри, ты держишь Уилла Шекспира за сценой слишком долго? Я имею в виду, создав такое громадное напряжение...

Перегрин слушал прославленный голос и вглядывался в действительно красивое лицо с благородным лбом и деликатными скулами. Смотрел на его рот и думал, как невероятно изгиб верхней губы напоминает гравюру Дрюшо и так называемый графтонский портрет. «Надо терпеть. У него престиж, у него экстерьер и голос, какого нет ни у кого. Господи, дай мне силы».

– Я очень тщательно об этом подумаю, Марко, – сказал Перегрин, давая Найту понять: ничего сделано не будет.

Найт величественным жестом феодала похлопал Перегрин по плечу.

– Мы придем к согласию, – воскликнул он, – как птицы в тесном гнездышке!

– Не сомневаюсь.

– И еще одно, малыш, на сей раз – тебе на ушко. – Он потащил Перегрин за локоть в коридор, ведущий к ломам. – С некоторым удивлением я обнаружил, – сказал он, чуть приглушив выдающийся голос, – что нам придется терпеть в труппе У. Хартли Гроува.

– По-моему, он читал господина У. Г. очень хорошо, разве нет?

– Я с трудом заставлял себя слушать.
– Вот как? – удивился Перегрин. – Почему?
– Дружище, ты хоть что-нибудь знаешь о мистере Гарри Гроуве?
– Только то, что он довольно хороший актер, Марко. Давай не будем затевать антигроувских акций. К твоему сведению, и буду ужасно благодарен, если это останется строго – очень строго между нами: в этой части формирования труппы я вовсе не принимал участия. Все решала администрация. В остальных вопросах они были невероятно щедры, и я, даже если бы захотел, не мог с ними спорить.

– То есть этого человека тебе навязали?

– Если угодно.

– Следовало отказаться.

– У меня не было достаточных причин. Состав труппы хорош. Прошу тебя, Марко, не затевай суматоху с самого начала. Подожди хотя бы, не появится ли повод.

На мгновение Перегрин испугался – не намерен ли Найт не сходя с места включить темперамент. Но он во что бы то ни стало хочет играть Шекспира; и хотя в сумрачном коридоре уже можно было заметить опасные багровые знаки на овальном лице, привычного взрыва не последовало.

Вместо этого Найт сказал:

– Слушай, ты считаешь, что я наговариваю. Так позволь мне рассказать...

– Я не желаю слушать сплетни, Марко.

– Сплетни! Господи! Обвинять меня в сплетнях значит наносить невыносимое оскорбление. Сплетни! Позволь рассказать совершенно достоверный факт о Гарри Гроуве... – Толстый ковер заглушал шаги, и могло бы случиться непоправимое, если бы Перегрин не заметил движение тени на золоченых панелях. Он взял Найта за руку, заставив замолчать.

– И что это вы тут делаете, позвольте поинтересоваться? – спросил Гарри Гроув. – Сплетничаете?

Он произнес это легко и добродушно.

– Прелестный театр, Перри! Я хочу его исследовать, хочу увидеть все. Почему бы не закатить вакханалию и не пройтись древнегреческой процессией по всему зданию, опрокидывая громадные бокалы шампанского и распевая непристойные гимны? А во главе, конечно, наша великая, великая звезда. Или мистер и миссис Гринсливс?

Свое абсурдное предложение он изложил так затейливо, что Перегрин, несмотря на натянутые нервы, не выдержал и захохотал. Найт очень вежливо произнес:

– Прошу извинить... – и пошел прочь.

– *Он оскорбился*, – процитировал Гроув. – *И уходит прочь*⁹. Знаешь, он меня не любит. Совсем.

– В таком случае не нагнетай, Гарри.

– Думаешь, не надо? А так заманчиво, признаюсь. Ладно, ты прав, конечно. Да я и не могу себе позволить. А то мистер Гриндеж меня уволит, – сказал Гроув, бросив на Перегрин гордый взгляд.

– А не он, так я. Веди себя хорошо, Гарри. Извини, мне пора снова в бой.

– Буду делать все, что полагается, Перри. Как почти и всегда.

Перегрин задумался: не послышались ли ему угрожающие нотки в таком вроде бы честном обещании?

Тем временем вечеринка достигла апогея. Почти все участники добрались до точки, максимально далекой от нормы. Теперь, чтобы тебя услышали, приходилось кричать. Важные персоны собрались вместе в сиятельную галактику, а театральные горячо обсуждали свои дела.

⁹ У. Шекспир. «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

Миссис Гринслейд что-то говорила мужу, и Перегрин был уверен: речь о том, что, по ее мнению, гостям пора расходиться. Хорошо бы Дестини Мид и Маркус Найт подали пример. Они стояли в стороне, и Перегрин совершенно не сомневался: сейчас Найт сердито высказывает Дестини, что он думает об У. Хартли Гроув. Дестини глядела на Найта с выражением полного сочувствия и сексуального понимания, однако то и дело бросала взгляд в одну и ту же сторону. Там, в начале коридора, стоял Гарри Гроув и глядел на нее, не отрывая глаз.

Эмили Данн, Чарльз Рэндом и Герти Брейси разговаривали с Джереми Джонсом. Рыжий хохолок на голове Джереми вздымался и опадал, а сам он беззаботно размахивал бокалом. Раскаты его хохота перекрывали общий шум. Поскольку Джереми много смеялся в периоды, когда готов был влюбиться, Перегрин задумался, не нацелился ли его друг на Эмили. Или на Герти.

Но нет. Взгляд ярких зеленых глаз был устремлен над головами собеседников – несомненно, на Дестини Мид.

«Не может же он быть такой задницей! – встревожился Перегрин. – Или может?»

Перегрин почувствовал себя словно в перекрестии ярких лучей прожекторов. Взгляды блуждали, переплетались, выискивали и вонзались. Например, Герти пронзила взглядом Гарри Гроува. Кто-то рассказывал, что эти двое были любовниками, а сейчас расстаются. Если это правда, не возникнет ли личных проблем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.